

Russian
Life Story
52-0720A

История жизни

Хаммонд, Индиана, США
день 20 июля 1952 года



www.messagehub.info

Уилльям Маррион Бранхам

"...в дни голоса..." Откр. 10:7

Введение

Выдающееся служение Уилльяма Бранхама явилось ответом Святого Духа на пророчества из Писаний в Малахии 4:5,6, Луки 17:30, Откровения 10:7 и многих других пророчеств из Библии. Всемирное служение стало продолжением действия Божьего Его Святым Духом в это последнее время. В Писаниях было изречено, что необходимо появление этого служения для приготовления людей к Второму Пришествию Иисуса Христа.

Мы молимся, чтобы напечатанное Слово стало написанным в вашем сердце в то время, как вы с молитвой читаете это Послание.

В то время, как были приложены все усилия для точного несокращённого переноса проповедей в текстовой формат и/или перевода, аудиофайлы на английском языке наиболее точно передают проповеди, произнесённые Уилльямом Бранхамом.

Аудиофайлы и текстовые файлы более 1 100 проповедей Уилльяма Бранхама доступны для свободной загрузки и печатания на многих языках.

Эти файлы можно копировать и распространять без ограничений до тех пор, пока они копируются целиком, в неизменном виде и распространяются бесплатно.

История жизни

1 Добрый вечер, друзья, или, скорее, день. Сегодня днем я счастлив быть здесь. И [Пустое место на пленке — ред.]... и если есть что-нибудь хорошее, пусть это будет для славы Божьей.

Если господин Джексон из Южной Африки находится здесь, брат Джексон, если сегодня днем он находится на... на собрании, Билли хочет тотчас же увидеться с вами в книжной комнате, брат Джексон, насчет организации отъезда сегодня вечером, если желаете. Он сказал мне объявить, что он хотел встретиться с вами у книжного стенда прямо сейчас. Хорошо. И, Билли, где бы ты ни был, да-да, брат Джексон пойдет к книжному стенду сразу же.

Теперь, к... аудитории. В этот день я хочу обратиться к вам во Имя нашего Господа Иисуса Христа, поскольку Бог дал мне эту привилегию наряду с вами быть Его представителем, Его слугой и Его чадом по благодати, через Иисуса Христа. У многих из нас есть много такого, о чем мы были бы... могли бы рассказать. Каждый мог бы встать здесь и рассказать историю жизни. Многие из нас, вероятно, будут исполнены победы и силы, а многие из нас будут полны страданий и разочарования.

2 И у каждого из нас есть жизнь, которую Бог нам дал, и мы должны её прожить. И я... по моему скромному мнению, если вы это примете, я думаю, что самая лучшая жизнь в мире, независимо от того, взлеты это или падения, — если мы найдем Божью стезю и пойдем по ней, где Бог предопределил нам идти. Если мы неизменно делаем так, то мы обретаем победу, независимо от того... Я думаю о слепой Фанни Кросби, когда она сидела там, в темноте, однажды был задан этот вопрос: «Что вы думаете о Христе? Чей Он Сын?»

И я думаю обо всех людях, и о великих мужах на протяжении периодов, что всякий человек, который когда-либо чего-нибудь добивался, — обычно это были мужчины и женщины, которые верили Иисусу Христу. Разве это не правильно? И я думаю, как пророки писали о Нем, и как... древние мужи, они предсказали о Нем, и как патриархи, как они... Правители, которые восстали против Него, пали, и все такое.

3 И я думаю о прошедших веках, я думаю об отце нашей нации, о Джордже Вашингтоне, как он доверял Богу. Я думаю об Аврааме Линкольне. Линкольн, конечно, я не... Я не политический деятель, но Линкольн — это мой любимый президент среди всех президентов, которые у нас когда-либо были. Ему нужно было пройти трудным

путем. Может, потому что я должен был пройти таким же путем, я поэтому сочувствую Линкольну: ограды из жердей, и приходилось писать в грязи, и... и все такое. И единственными книгами, как мы полагаем, которые вообще были у Линкольна, пока ему не исполнился двадцать один год, были Библия и «Книга мучеников» Фокса. Вот что воспитало тот характер.

Позвольте мне увидеть, что вы читаете, позвольте мне зайти в ваш офис, в ваш дом и увидеть, что вы читаете: я примерно скажу вам, кто вы такой. Это точно. Понимаете, все — из-за натуры. И держите Библию возле своих детей, читайте ее сами, будьте примером. Это то, чего я не имел в свои молодые годы. Но благодатью Божьей я хочу положить это перед моими детьми. И если будет другое поколение, пусть они положат Библию перед ними. И теперь, если бы мы могли сегодня подумать...

Я слушал вас прошлым вечером, когда вошел. Мое сердце трепетало, когда вы пели: «Народ и Ангелы да чтут Христа, Царя всего».

4 Просто доктор Дьюитт, покойный, когда он умирал, он стоял перед своим собранием, он старался представлять Иисуса Христа как Того, Кто Самый Великий из всех: Он был Богом, Он был Эммануилом, и как Его власть должна быть в Церкви и заставить их оставить свой эгоизм. Он был пастором большой церкви. И даже его собрание было против него. Они ждали там конференцию, так что они могли его не переизбрать и все такое и прогнать его.

Но у него было сердечное кровоизлияние. И вот, в то время, когда он проповедовал, однажды его сердце отказало, у него произошел сердечный приступ, упал вперед. Случилось так, что в церкви оказался врач, подошел к нему и сказал: «Доктор Дьюитт, у вас есть еще только несколько минут, чтобы жить. Вы не сможете жить».

Он позвал двух верных дьяконов, которые поддержали его руки. И он поднял свои руки и встал на ноги. И сказал: «Дайте мне стоять на ногах, пока есть дыхание в моем теле».

5 Позади него было распятие, которое представляло крест... крест Христов там, сзади, возле его баптистерия. И он встал вот так, он сказал: «Если у меня есть одно слово, которое я хочу сказать, то вот оно:

Народ и Ангелы да чтут
Христа, Царя всего,
Корону пусть Ему несут,

Венчайте все Его!»

Он пошатнулся назад вот так. Когда он пошел назад, он обнял одной рукой крест с одной стороны, а второй — с другой, уронил голову и ушел, чтобы встретить Господа. Аллилуйя! Вот так и надо.

Я думаю о Поле Рэйдере, об этом великом отважном герое, который штурмовал Чикаго, о самом последнем пробуждении, которое было у вас в Чикаго. Когда Пол Рэйдер находился там, вышел туда, и он был посреди своего собственного народа, который причинил ему горе, и скорбь, и нервное расстройство, которые вызвали у него рак, и некоторое время спустя он умер. Люди, которые были против него и поступали так, были теми, кто это сделал. Когда он был... Там, в небольшом Библейском институте Муди, был маленький квартет, насколько я понимаю, пели там для него. Оконные шторы у них были закрыты, и он умирал. А Пол был большим шутником. Напоминает мне характер брата Босворта. У него всегда присутствует легкое чувство юмора.

6 И таким образом он посмотрел вокруг, он заметил, что занавески были опущены. Он пришел в себя, огляделся и сказал: «Послушайте, кто здесь умирает, я или вы?» Сказал: «Поднимите эти шторы и спойте мне несколько хороших евангельских песен, побыстренько». И они начали петь: «Там, на кресте, где Христос страдал» или что-то вроде этого. Сказал: «Это звучит лучше».

Говорит: «Где Люк?» А Люк был сзади, в другой комнате. Они привели Люка туда, где был он. Он схватил его за руку и сказал: «Люк, мы прошли вместе долгий путь, брат, по затененным тропам». Но сказал: «Подумай об этом: уже через пять минут я буду стоять в Присутствии Иисуса Христа, одетый в Его праведность». Он умер.

Жизнь великих призывает

Нас к великому идти,

Чтоб в песках времён остался

След и нашего пути.

7 Ориентировочные знаки для других, чтобы странствовать... Подумайте о Линкольне, когда его застрелили там из-за его храбрости и из-за того, что он стоял за людей, и за то, что было правильным, и за Бога. Сказал, когда он умирал, когда они... Пуля, которая прошла через его... под его... там, в его теле, и... и он смертельно задышался. Он сказал: «Поверните мою голову к заходу солнца». Он сказал: «Отче наш, Сущий на небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя», повторяя образцовую молитву, когда он уходил, чтобы встретить Бога. О, Боже! А что же мы? Мужчины и

женщины...

Посмотрите на Эдди Перронета. Его преследовали и все такое, и что он мыслил. Он написал эту... эту... Однажды там, когда вдохновение нашло на него, он схватил ручку и написал эту инаугурационную песню:

Народ и Ангелы да чтут
Христа, Царя всего.
Я думаю о...?... там, когда он написал:
О, благодать, спасен Тобой
Я из пучины бед.

Я думаю о слепой Фанни Кросби. «Что Бог мог обещать тебе? Ты никогда в своей жизни не видела дневной свет. Ты была слепой всю жизнь. Что ты думаешь об Иисусе Христе?» Она сказала:

Не пройди, Иисус, меня Ты,
Дух не осеня!
Слыша люд, мольбой объятый,
Не пройди Меня!
Ты источник утешенья,
Лучше всяких благ!
Ты мой друг как в мире тленья,
Так и в небесах!
Встань же смело на работу
Отдавай все силы ей
Не рабом будь, а героем,
Закалившим грудь.

8 Каждый из вас является христианином. Вы — рожденные свыше христиане, тогда давайте встанем. Не имеет значения, насколько плохо было всё, что было в жизни, давайте теперь смотреть вперед на пришествие нашего Господа, когда это смертное облечется в бессмертие. Назад к...

Теперь пару минут. Постараюсь вас больше не задерживать. Да, мне уже давно пора начинать: двадцать минут четвертого. Я... Займем примерно час. Я постараюсь закончить, если смогу. Я... Вероятно, многие из вас здесь слышали историю жизни, вещи, к которым я очень не хочу снова возвращаться, но я...

действовать по Его усмотрению. Вы получите Это прямо там.

Хорошо, во всей аудитории, кто вне, кто снаружи, встаньте. Встаньте! Хорошо. Давайте вознесем наши руки! Давайте вознесем наши голоса словом хвалы!

Всемогущий Бог, как Соломон, когда он посвящал храм, Ангел Божий снизошел сквозь зда... снизошел и вошел во Святое Святых, и Дух Божий заполнил помещение, до того, что не было никакой возможности совершать служение. О Боже, пусть Иисус Христос пошлет Святого Духа прямо сейчас на этих людей, Господь Бог, кого Ты здесь теперь спас и подготовил. Пусть они получают крещение Святого Духа. О, сатана, уйди с дороги. Святой Дух, войди в них во Имя Господа Иисуса Христа, я прошу этого.

Иисус Христос пройдет через долину смертной тени, и осветит путь, и перенесет мою утомленную душу в пристанище покоя. До того времени я буду стремиться к Тебе и искать Святого Духа, до тех пор пока Ты не дашь мне Его. И я сделаю свою жизнь, насколько только мне известно, образцом или же солью для неверующего, чтобы они смогли бы увидеть результат моего труда из моей веры и прийти к Тебе. Прими меня, О Боже, во Имя Иисуса Христа.

Теперь, когда ваши головы склонены... Отец, Ты услышал их исповедь. Они истинно верят, что Ты проговорил к ним в их сердцах. Святой Дух, который звал Адама в саду Эдемском, снизошел сегодня в этом здании и призвал этих людей, которые здесь, прямо возле алтаря, принять Тебя. Ты находишься на платформе, Ты и сие воинство Ангелов, которые стоят рядом. И Ты сказал: «Кто исповедует Меня пред человеками, того и Я исповедаю пред Отцом Моим и святыми Ангелами». Тогда, Господи, согласно Твоему Слову, их грехи исчезли. Ты услышал их исповедь. Они открыто и публично пришли и приняли Тебя как своего Спасителя. И теперь, Отче, я молю, чтобы Ты обогатил их жизнь Святым Духом. Даруй это, Господи, и пусть каждый из них будет наполнен Святым Духом, в то время как здесь те, другие, ищут Твоего благословения Духом Святым. Пусть они тоже будут наполнены Святым Духом в сей самый час. Даруй это, Господи, во Имя Иисуса.

Теперь, в то время как вы все склонили головы, те, в ком есть Святой Дух, теперь вы... Каждый из вас, кто верит и принял Иисуса как своего Спасителя, в то время как остальная часть аудитории смотрит сюда, поднимите руки. Поднимите руки, те, кто принял Иисуса как своего Спасителя. Так вот, это свидетельство. Теперь, согласно Слову Божьему, Бог свидетельствует о тебе на небесах. Час назад ты пошел бы в ад, теперь, если бы ты умер, ты пошел бы на небеса. Это разница между смертью и жизнью, через вашу веру в Иисуса Христа. Это правильно? Теперь вы живы, вы соделаны новым творением. Я... если я знаю Бога, если я Его пророк, то я знаю, что Вечная Жизнь была дана людям, стоящим теперь прямо здесь. Это верно. Я чувствую это, это проходит через меня... Посмотрите на вздутия, которыми я весь покрылся вот так: я знаю, что прямо здесь, в этой аудитории, нечто произошло. Вы спасены вашей верой в Иисуса Христа.

Теперь, в то время как они ищут Святого Духа, я хочу, чтобы вы тоже молились. Не молитва, чтобы... Я хочу, чтобы вы подняли руки и воздали хвалу Богу за ваше спасение. И вы, которые желают Святого Духа, я хочу, чтобы вы подняли руки и сказали: «Боже, теперь я верю. Я приношу Тебе плоды своих уст, воздавая хвалу Имени Твоему». И таким образом было у них в день Пятидесятницы. И первый человек, который чувствует первое движение Святого Духа, позволь Ему

Один из самых больших призывов к алтарю, который я когда-либо делал в Америке, — у меня было две тысячи грешников, которые вышли, чтобы прийти к Иисусу Христу в Пенсаколе, Флорида, однажды днем — после «Истории жизни». Я доверяю Богу, который был рядом в Дурбане, где у нас было тридцать тысяч.

Итак, я хочу прочитать отрывок из Писания, всегда — Слово Божье, потому что мое слово не сбудется, но Слово Божье не может потерпеть неудачу. Теперь, отрывок, найденный в 13-ой главе Евреям начиная с 10-ого стиха, и прочитаем по 14-ый стих включительно:

Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права... служащие скинии.

Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, —

то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат.

Итак выйдем к Нему за стан,нося Его поругание;

ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего.

9 Сколько из вас сегодня вдали от дома, позвольте увидеть ваши руки, те, кто вдали от дома? Ого, только посмотрите! Я думаю, если бы у меня было время, то мы спели бы эту песню: «Мы — паломники, и мы — чужестранцы здесь, ищем Город, который грядет». Это верно? Независимо от того, где вы странствуете, никогда, никогда не найдется места, кто... которое заменило бы дом. Это верно?

Разве вы не хотели бы предпринять сегодня маленькое путешествие? Большинство из тех, кто находится здесь, большинство из вас — люди моего возраста или, возможно, немного старше. И разве вы не хотели бы просто вернуться в детство, просто повернуть колесико, и возвратиться, и прожить еще один день детства? Разве вы не хотели бы сделать это? О, как я хотел бы этого! Даже при том, что это печали, и слезы, и разочарования, я хотел бы прожить там еще один день, просто вернуться назад.

10 Я вспоминаю маленький старый домишко, где я родился, и неважно, насколько это было скромно... Здесь каждый из вас может вспомнить старенький домик, где мать обычно стояла под деревом, возможно, над старым кедровым тазиком для стирки со стиральной доской, а ты была маленькой девочкой или мальчиком, играющим рядом. Ты часто вспоминаешь, что пришлось пройти через много страданий и печалей, как ты дергал ее за старый, покрытый пятнами передник. Хотелось бы сегодня увидеть ее снова, теперь это невозможно. Нет, она умерла.

Хотелось бы увидеть старого папу. Обычно я видел, как он приходил с поля с этим красным носовым платком, засунутым в карман. Вижу, как он встает утром, холодным утром, возвращается и разводит огонь в большой круглой старой печке. Я часто слышал, как он поет:

О, где мой мальчик сегодня вечером,

Мое сердце переполнено

Любовью, он знает.

О, где мой мальчик сегодня вечером?

Я видел, как он стоял с закатанными рукавами возле маленькой старой скамейки для мытья и мыл лицо и руки, а волосы у него были очень черные, волнистые. Он смотрел вокруг. О-о, как хотел бы я увидеть его еще раз! Но я не могу: он умер. «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего». Если бы ты смог возвратиться в дом, в котором был воспитан, — это уже не будет тот дом, где ты был когда-то.

11 Здесь несколько дней назад я привез кого-то, кто посетил меня, туда, где был тот старый домишко. Да ведь это муниципальное жилье! Ну да, это... это уже не старый домашний очаг. «Не имеем здесь постоянного града».

Я помню, когда я... Самый первый маленький старый домик, в котором мы жили, был домом из бревен. Там нас, маленьких Бранхамов, было примерно трое или четверо. У нас даже не было пола, просто... просто земля. Папа, по... прямо посередине у него был... пень, который был отпилен и положен туда, несколько камней лежали на нем сверху, и там находилась старая печка цилиндрической формы. И вот каким образом, из чего же был сделан тот стол. Старая скамейка, которую он сделал из нескольких досок от сарая, и выпилил скамейку по типу церковной скамьи и установил ее позади стола.

12 И у мамы была маленькая старенькая, как мы ее называем, «обезьянья плитка». Кто-нибудь знает, что такое «обезьянья плитка», позвольте увидеть ваши...? О, ого! Это здорово! И старомодная керосиновая лампа. Вы когда-либо чистили ламповое стекло? Позвольте увидеть... Хорошо, про... Я здесь не единственный деревенский парень. Я готов снять свой пиджак и чувствовать себя как дома. Правильно. Да, сэр.

Сколько из вас когда-нибудь спали на соломенном тюфяке? Давайте посмотрим на ваши руки. Ну что ж, скажем, в конце концов, Чикаго не такой уж и большой город, не так ли? Правильно. Да-да, ого, сколько раз я спал на старом соломенном тюфяке! И сначала ты

не покидайте... Хорошо.

Теперь, в то время как они собираются, давайте везде, все склоним головы. Теперь, мне нужны грешники, те, кто еще не принял Христа, что вы хотите быть спасенными, — я хочу, чтобы вы смотрели сюда, на меня. Это... это не те, кто ищет Святого Духа, но только грешники.

164 Иисус Христос умер за вас. Он хочет, чтобы каждый из вас был спасен. И когда-нибудь, мой друг, я должен встретить тебя вон там, чтобы встать в Его Присутствии, чтобы отчитаться, что я сказал тебе. Бог не позволит мне оказаться неверным истолкователем Слова Божьего. Теперь, Иисус сказал: «Приходящего ко Мне Я никоим образом не изгоню вон. И слушающий Слово Мое (это Святой Дух, зовущий), и верующий в Пославшего Меня (это Бог) имеет Жизнь Вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в Жизнь».

Разве ты не счастлив, что приходишь сегодня днем, друг? Ты был тем, о котором я говорил. Теперь послушай: сейчас Нечто говорило с твоим сердцем. Вот этот юноша здесь. Хорошо.

165 Теперь, это Писание? Так вот, вы верите, что Иисус Христос — Сын Божий? Вы верите библейской истории о Его девственном рождении? Вы верите, что это истина? И вы теперь принимаете Его как своего Спасителя...?... вы прямо сейчас откажетесь от всего греха в своей жизни, и вы примете Его как своего Спасителя, и, насколько только вам известно, вы будете жить для Него остаток ваших дней? Если да, поднимите руки, грешники. Вы теперь принимаете Его.

Так, в то время как вы склоняете головы, я собираюсь кое-что сказать. И что я... скажу в молитве, этим молитесь и вы. Это необходимо, чтобы очистить вашу жизнь (вы понимаете?), эта молитва, которая... Вы повторяйте то, что я говорю, я лишь просто это высказываю. Вы молитесь об этом Богу, не повторяя за мной, но молитесь об этом Богу. Теперь, в то время как мы все склонили головы, пусть грешник говорит так...

Всемогущий Бог, сейчас я прихожу к Тебе как грешник, принимая Иисуса Христа, Сына Твоего, как своего Спасителя. Я верю в Тебя, Боже, и я верю, что Ты послал Иисуса, чтобы Он занял мое место на Голгофе. То, что я не мог сделать сам, будучи грешником, я принимаю то, что Он сделал для меня. И я верю, что в Его смерти Ты благоволил принять меня через Его послушание. Поэтому, Господи, я ничего не приношу в своих руках, никакой своей праведности — ничего, что я могу сделать. Единственное — я верю Твоему Слову, и теперь я принимаю Его в свое сердце. Прими меня, о Господи, ибо я искренен, и отныне, с этого дня, я буду Твоим слугой. И в час моей смерти пусть

В то время как мы все склонили головы, есть кто-нибудь в здании, кто желал бы крещения Святым Духом теперь, кто хотел бы подойти и быть наполненным Святым Духом? Если бы вы выстроились в очередь прямо здесь с ними, кто хотел бы получить Святого Духа. Это могло бы иметь такое большое значение! Если вы здесь грешник, больной человек, вы придите, примите Христа, это могло бы оказать такое большое воздействие. Теперь тот час.

Изумительно. Посмотрите на тех, кто жаждет Бога. «Блаженны алчущие и жаждущие праведности, ибо они насытятся». Боже, будь милостив. Только взгляните, друзья. «Если человек не родится от воды и Духа, он не может увидеть Царствия».

162 Не силой моей умершей жены. Нет, сэр, силой Божьей Библии я говорю это, друг. Если у вас нет Святого Духа, не пытайтесь оказаться перед вечностью, не будучи рожденным свыше. Бог милует нас. Это изумительно.

Правильно, молодой человек. Эта молодая леди должна прийти тоже.

Хорошо. Теперь все вместе, в то время как мы поем: «Боже, да будет воля Твоя», теперь подходите вместе. Хорошо. Дайте нам аккорд, сестра.

Боже, да будет воля Твоя!

Твоим сосудом сделай меня.

Чтоб перестроил волю мою,

Перед Тобою с верой стою.

[Брат Бранхам начинает напевать: «Боже, да будет воля Твоя». — ред.]

163 Хорошо. Теперь, для всех, кто собрался... Душепопечители, где вы теперь? Хорошо, душепопечители, соберитесь сейчас прямо позади этих людей, прямо позади этой группы. Душепопечители, служители Евангелия, соберитесь прямо там.

Вы увидите, как слава Бога наполняет это место. Я почувствовал это прямо сейчас в своем сердце. Бог двигается. Он говорил мне в течение долгого времени: «Теперь задержись еще на минутку. Многие, — сказал Он, — сейчас приходят, ища Бога; те, кто будут наполнены, удалятся с радостью. И сегодня вечером будет величайший из вечеров, который ты когда-либо видел».

Пусть те, кто персонально работает с людьми, соберутся прямо рядом с ними, теперь подойдите туда, где они могут быть готовы. Вы

туда ложишься, чувствуешь, может быть, как шевелится кузнечик, ты должен, знаете, встать и найти его, когда он там, внутри. Да ведь много раз я это делал. Конечно.

13 Видел, как мама берет тот большой старый стержень, который у нее висел на стене, кусок старого... Ну, она делала... обычно... Она обычно ворошила им свою одежду в... во дворе, когда она кипятила свою одежду. Вы когда-нибудь кипятили свою одежду? Слава Богу. О, да-да, щелочное мыло, вы знаете? И она использовала его, чтобы положить, доложить туда вашу одежду. В этом деле у нее была веревка, она вешала ее на стену.

Так вот, на той стороне висели травы, а на другой стороне было... было «золотое правило», которое висело на другой стороне, прямо над дверью. Вы понимаете? Это был орешник примерно вот такой длины, на котором были все «десять заповедей», написанные на его спиле. Маленькие мальчики должны вести себя хорошо, и папа верил в «золотое правило» таким образом. Так что если когда-нибудь всплывало отсутствие оно, то там был ремень для правки бритв, который лежал там сзади. Он заменял это. Говорю вам, мое воспитание было довольно жестким. Папа, я...?... те ирландские глаза сверкали, как у Стоунволла Джексона. Я знал: что-то там для меня было, когда... когда я поступал неверно. Но сегодня я люблю его всем сердцем. Он никогда не давал мне даже и половины той порки, которую я заслуживал.

И затем, я помню, что мама имела обыкновение брать тот стержень и разглаживала... кровать, знаете, надавливала на нее, знаете, и разглаживала ее. Сколько человек знает, что такое валик? Это большой... Хорошо, что знаете. Послушайте, кто здесь из Кентукки, поднимите руку. Хорошо, о-о, ого! Это здорово, правда? Хорошо.

14 Там, в Индиане, или это и есть Индиана. Там, в Южной Индиане, это замечательно (я смеялся там однажды в своей церкви), я сказал: «Сколько здесь людей из Кентукки?», — и встало примерно две трети. Кто-то сказал... Я сказал: «Не понимаю».

А один из них встал и сказал: «Брат Бранхам, — сказал, — в Кентукки лесные сурки просто захватили ту местность». Следовательно, перебрались на другую сторону.

Но там, перед этой маленькой старой бревенчатой хижинкой, я помню, я часто смотрел на ее старые щели, грязь в трещинах вот так, и я говорил: «Ого, этот дом будет стоять всегда. Да ведь он не может исчезнуть, какой это прекрасный дом!» Но вот, посмотрели бы вы на него теперь. Понимаете? «Не имеем здесь постоянного града».

А перед дверью было истоптанное место, это был просто голый участок, где мы, маленькая стайка Бранхамов, играли там, как стайка маленьких опоссумов, или кого-то еще, на том месте, маленькие невзрачные ребятишки, валтузили там друг дружку. Послушайте, я... я хотел бы пережить это снова. Я... я действительно хотел бы, да... да.

15 Я вспоминаю старый родник, к которому я обычно ходил, и ложился на живот, и все пил и пил. Возвращаясь, идешь и несешь папе кувшин воды из родника на поле, где он собирал урожай или еще что-нибудь: столь тяжело работал, до того, что я видел, как мама срезала ему рубашку со спины из-за солнечного ожога, где она приклеилась к спине: семьдесят пять центов в день, чтобы заботиться обо мне.

Слушайте, это правда. Вы там прочитали историю моей жизни. Мой папа пил, но меня не волнует, что он делал: он по-прежнему мой папа. И позвольте мне в этот день вам, молодые люди, кое-что сказать: никогда не доходите до того, чтобы, чтобы назвать вашу мать и папу «стариком и старухой». Вы никогда не делаете этого, независимо от того, какие они. Независимо от того, каковы они, вы почитайте их как своих папу и мать. Вы никогда не узнаете, насколько вы любите их, пока вы не услышите кат... скрип удаляющегося гроба и будете знать, что это — последний раз. Тогда это уже не будет «старик и старуха».

16 Множество раз они правы, когда вы думаете, что они неправы. Всегда: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Это первая заповедь с обетованием. Будьте добры к своей матери и папе.

Я помню, мой папа умер. Его виски только-только немного поседели. Когда он лежал там, в гробу, а я держал его голову, когда он умер прямо на моих руках... И я держал его голову, и пряди его волос упали, я думал: «О, папа». Я посмотрел на его руку. Однажды ему шинковкой отрезало палец. Я думал обо всех страданиях, которые я причинил ему. Это не был «старик», это был мой папа. Мне все равно, кто еще, что они думали о нем: он по-прежнему мой папа. Я любил его. И я люблю его сегодня. У меня была привилегия вести его ко Христу. Теперь...

И мою мать тоже. Моя мать жива. Она должна была приехать сюда сегодня днем. И я надеюсь, что она сюда доберется.

17 Так вот, обращаясь назад к тем дням, я вспоминаю некоторые маленькие вещи, просто в качестве деталей. Я помню одну вещь, которая ярко выделялась в те дни: это было то, чтобы каждую субботу вечером ездить в город покупать продукты. Вам приходилось когда-

Разве вы не придете, в то время как люди спускаются, собираясь? Вы увидите, как Святой Дух спадет сюда, я верю, через несколько мгновений, что-то как вы... Если Он исцелит больных, Он непременно спасет потерянных.

...будешь спасен.

Тогда, почему не сегодня?

158 Слушайте, в то время как они приходят. Орган, продолжайте, если желаете, сестра. Пусть каждый христианин молится. Некоторое время назад я посмотрел сюда, в аудиторию ... Я не сказал бы этого, разве только, что там стоял молодой человек. Я видел солдата, юношу в униформе. Я знаю, что Бог разговаривал с сердцем этого мальчика. Если я имею право...?... этого мальчика, скоро отправится за океан. Сейчас Бог спасает этого мальчика-солдата.

159 Я вижу молодую леди, которая сидит в аудитории. Я не называю ее имя. Но Бог проговорил к ней, я знаю, что она должна подойти. Я надеюсь, что она придет, та, которую я жду. Возможно, где-то в другом месте есть еще. Разве вы не придете? Даже дети. Это тот час, это то время. Теперь час, чтобы быть спасенным. В то время как мы зовем еще раз, «Почему не сегодня вечером?», разве вы не встанете и не придете? Теперь, непосредственно перед тем как мы это сделаем, позвольте мне помолиться.

160 Отец, я верю всем своим сердцем, что для некоторых людей это может быть окончательным решением. Боже, я молю, чтобы этот человек, о котором Ты говоришь мне сейчас, я... я прошу, чтобы Ты проявил доброту еще раз, и проговорил сейчас к сердцу этого человека, и послал ее сюда. Это может быть временем отделения, перекресток между милостью и судом. Боже, если это так, я... я не знаю, Господи, Ты знаешь. Но если это так, я прошу, чтобы эта... чтобы... женщина быстро подошла к алтарю прямо сейчас. Даруй это, Господи. Благослови теперь всех других здесь, к которым Ты говоришь. Теперь я передаю это Тебе, Отец. В то время как мы поем еще раз, пусть Святой Дух зовет, в то время как христиане молятся.

Почему не сегодня,

Почему не сегодня,

Ты будешь спасен?

О, почему ж не сегодня?

161 Иисус из Назарета, мы молимся теперь во Имя Твое, говорим сейчас. «Те, — Ты сказал, — кто придет и исповедает Меня пред человеками, тех Я исповедаю пред Отцом Моим и святыми Ангелами».

с задних рядов, вы... И теперь подходите прямо сюда. И мы хотим, чтобы Иисус нас услышал. О, как прекрасно.

Почти убедился

Вере внять,

Почти убедился

Христа принять.

Кажется, кто-то молвит теперь:

«Уйди же, Дух Святой,

Потом я, поверь,

К Тебе воззову».

Послушайте. В один из этих дней Бог отнимет свет ваших глаз. О, смертный, разве ты не придешь сейчас? Если вы верите, что Бог слышит молитву, то разве вы не придете сюда, встать прямо здесь, в Его Присутствии, чтобы исповедовать: «Теперь я верю Иисусу Христу и принимаю Его как моего Спасителя»? Разве вы не придете?

Какое изумительное время! Что за время для грешников, чтобы прийти! Правильно. Только посмотрите на них, сейчас они собираются здесь, старомодный призыв к алтарю. Разве это не изумительно? Все еще у людей достаточно сокрушения сердца... Независимо от того, насколько чопорными люди стали, тем не менее, Святой Дух движется и сокрушает сердца и ведет их прямо к алтарю.

157 Сколько из вас знает эту старую песню: «О, почему не сегодня вечером?» Вы... Вы когда-либо слышали ее? Не многие из вас? Хорошо, органистка, вы дадите нам ее аккорд: «О, почему не сегодня вечером?» Вы знаете ее, сестра? Хорошо. Хорошо, давайте теперь все споем.

Почему не сегодня,

Почему не сегодня,

Ты будешь спасен?

О, почему не сегодня?

Завтра солнце, возможно,

Не взойдет над тобой.

Это вечер спасенья,

Не рискуй, брат, собой.

О, почему (скажи мне, почему?), не сегодня?

нибудь делать это: ехать в субботу вечером и покупать еду на неделю? Мы жили в деревне, и я тяжело работал всю неделю. Я получал монетку в десять центов, когда я был большим парнем двенадцати-четырнадцати лет. Я получал десять центов. Папа говорил: «Не трать все это в одном месте: десять центов».

Билли говорит: «Папа, у тебя есть пять долларов, ты позволишь мне их взять?» Как все изменилось, конечно, изменилось.

18 Я помню эти десять центов: я пойду в город и (вот это да!) зайду в тот магазин. И я разменяю мою... мою десятицентовую монетку, и я возьму на пенни «Красных пряных», примерно вот столько в кулке. Теперь за пенни вам даже не позволят посмотреть на них, едва ли. Потом я перейду, чтобы купить рожок мороженого стоимостью один пенни, маленький несвежий рожок мороженого. Ты получаешь его за пенни. Что это был за день! Но теперь все изменилось.

Тогда, когда мы были маленькими угловатыми пареньками, я помню, когда мы все были возле дома, знаете, играя возле дома, обыкновенно я видел, как папа приходит домой. И в субботу вечером мы все, или же днем, он брал для этого дела небольшую старую бричку, джерсейскую повозку. У нас был маленький старый мул, которого мы цепляли к этой повозке. И если это было зимой, мы стелили солому, которая слегка покрывала повозку, в задней её... части. И мы брали одеяла и закутывались.

19 И папа и мать садились на переднее сиденье. И потом они едут, и мать и папа, разговаривая. Знаете, им было приблизительно двадцать пять лет каждому, я полагаю. И они сидели там и разговаривали, вы знаете, правя этим маленьким стареньким мулом. Да ведь мы ехали в первом классе! Это не был наш мул или наша повозка, но мы ехали куда-то, в магазин.

Папа получал приблизительно три с половиной доллара в неделю. И он ехал туда, чтобы потратить все это полностью почти только на продукты, чтобы кормить неделю всех этих малышей. У нас не было жареного цыпленка и так далее, но мы действительно должны были получать то, что по-настоящему полезно: картофель и продукты вроде него, это поддерживало по-настоящему, приносило большую пользу.

20 И вот, я помню, когда в субботний вечер папа платил по счету за продукты, — для маленьких Бранхамов это было наслаждение. Он покупал кулек, полный леденцов, маленьких несвежих мятных леденцов на палочке. Послушайте, знаете, это... это было хорошо. Я помню, когда он оттуда выходил, может, у него было... Может, там было четыре хорошего размера леденца, и было пять Бранхамов, между которыми это нужно было разделить: каждый бросал взоры,

чтобы увидеть, получил ли он свою долю. Эти леденцы должны были быть разбиты и разделены между ними точно-точно поровну, потому что все глаза были обращены на сей леденец.

Считаю, что я немножко в этом жульничал. Малыши получали все, что им полагалось съесть, знаете, и они просто ели, и все... Они не могли до конца съесть свои леденцы. Я некоторое время лизал свой, знаете, и я дотягивался и брал кусочек этого старого бумажного кулька, в который была завернута еда, и отрывал маленький кусочек и заворачивал его, клал это в карман: я ждал до понедельника. И таким образом, я думаю... Итак, наступал понедельник, и мама скажет: «Билли?»

Я говорил: «Да, мэм».

21 «Возьми ведро». Это не было одно из этих маленьких стареньких оцинкованных ведерок, это были большие кедровые ведра, и старый ковшик из тыквы. Сколько из вас когда-нибудь видели ковшик из тыквы? О, как...?.. хорошо. Хорошо, и спускаешься к роднику и зачерпываешь воду, знаете, и выливаешь в ведро. Да-а, это была работа.

Я смотрел на своего брата, я говорил: «Я скажу тебе, что я сделаю. Если ты пойдешь и принесешь ведро воды, я возьму... У меня еще остался леденец, я дам тебе его полизать, пока я буду медленно считать до десяти: один, два, вот так». Я был коммерсантом, бездельничал в тенишке, знаете, пока мой брат шел и приносил воду, лизал леденец. О, да, знаете, я старался считать до десяти так медленно, как только мог. И видели бы вы, как он лизал! Ой-ой! Ему прекрасно удавалось полизать его больше, чем десять раз.

Ну, понедельник для меня был довольно хорошим днем, потому что у меня был тот кусочек леденца, знаете, просто честно работали за тот леденец. И они тоже знали, что у меня он был, знаете, так что я... О, здорово!

22 Сегодня я думаю: я могу пойти и — не в воскресенье, но в какой-нибудь другой день — и купить коробку «Херши», но это никогда не будет таким вкусным, как тот леденец. Сколько из вас едят мятные леденцы и старомодное печенье в виде бочонков, давайте посмотрим на ваши руки? О, вот это да! Послушайте, ну, скажу я вам, нынче это не пришло бы в упадок. Это точно.

И... и, о-о, чтобы поесть, у нас было рагу «Малиган», знаете, мы до мозга костей были ирландцами. И, ух, сколько из вас знает, что такое рагу «Малиган»? Послушайте, это вот что: когда на кухне ты варишь все и чуть ли не кухонные тряпки, просто кладешь все в

между вами и Богом.

Теперь, в левом проходе, поднимите ваши руки, те, кто грешники, и скажите: «Брат Бранхам, вспомни меня в слове молитвы, если желаешь». Вы поднимите свои руки в левом проходе, здесь, с левой стороны от меня?

Хорошо. В заднем секторе слева, не поднимите ли вы руки? Да благословит вас Бог, вас, вас, вас, вас, вас, вас. Да, многие сидят в тех рядах. Бог да благословит вас всех.

155 Далеко-далеко сзади, кто стоит снаружи, в том помещении, грешники ли вы сегодня и хотели бы вы сказать: «Брат Бранхам, вспомни меня в слове молитвы. Я хочу стать христианином. И истинно, я верю, что есть небеса, а я... у меня в жизни тоже были беды, и сейчас я... я хочу принять Христа как моего Спасителя, который во мне мог бы стать зародышем жизни, нового рождения»? Вы поднимите свои руки и скажете: «Вспомни меня»? Хорошо.

Теперь все те, кто хотел бы быть упомянутым в молитве, не встали бы вы на ноги для молитвы прямо сейчас, когда мы молимся за вас? Просто как свидетельство. «Кто засвидетельствует Меня перед людьми, того Я засвидетельствую перед Своим Отцом и святыми Ангелами». Правильно. Послушайте, вставайте везде, на балконах и везде, где можете. Ты, который хочешь быть упомянут в заключительной молитве, просто встань, пожалуйста, на ноги и скажи: «Брат Бранхам, я... сейчас я, я хочу... я хочу, чтобы меня вспомнили в этой молитве, чтобы Иисус Христос...» Это замечательно.

Кто-нибудь еще? Еще кто-то? Правильно. Это замечательно. О, я так счастлив видеть, как вы это делаете! Мать с маленьким ребенком, да благословит вас Бог, сестричка.

156 Интересно, интересно. Вы знаете, что я хотел бы сделать? Я хотел бы пожать ваши руки. Просто я хотел бы пожать вам руки и помолиться с вами здесь, у алтаря. Интересно, в то время как музыка поет, или же музыка играет, и мы смиренно поем: «Почти убежденный теперь, чтобы верить», интересно, если... если вы, там, не придете ли вы тихонько прямо сюда, к алтарю? Спускайтесь прямо сюда с балконов. Вы спуститесь? Прямо сюда, и позвольте... позвольте мне встать здесь и помолиться с вами, прямо здесь, в вашем присутствии... Я могу возложить на вас руки. Вы сделаете это, вы, кто здесь желает принять Христа, сейчас, как своего Спасителя? Я хочу видеть.

Сестры там, сзади, если бы вы подошли сюда, я буду счастлив помолиться с вами, если вы только выйдете вперед. Это прекрасно. Да благословит вас Бог, это замечательно. Спускайтесь прямо с балконов,

буду жить для Тебя». Если здесь есть молодая пара, Господи, и они не знают Тебя, я прошу, чтобы это стало часом их решения. Даруй это, Отче.

152 Прости меня, что я как ребенок, Господи, но просто воспоминания о прежних временах, о тех печальных днях пота, и слез, и изнурительного труда, и страданий, и смерти, и голода. Боже, пусть Твой Дух теперь изречет мир к какому-нибудь сердцу.

И в то время, когда мы склонили головы, будет ли здесь, в этом здании, кто-нибудь, кто... хотел бы стать христианином прямо сейчас? Поднимите, пожалуйста, руку. Скажите: «Брат Бранхам, я верю, что Бог слышит твою молитву. Я хочу, чтобы ты помолился за меня. Я хочу теперь принять Христа».

Бог да благословит вас, вас, вас. Еще кто-то здесь на нижнем ярусе. Кто-нибудь еще хочет принять Христа как личного Спасителя, хочет быть упомянутым в молитве, верит, что Бог слышит мою молитву, не могли бы вы выйти вперед? Не поднимите ли руку, для начала?

На балконах слева от меня, есть ли там грешник, который хотел бы принять Христа? Если вы видите чудеса Божьи и видите, что Бог отвечает на мою молитву, вы теперь приняли бы Его как вашего Спасителя, поверили бы этому? Я просто упомянул бы вас в слове молитвы. Вы поднимите руку, когда там сидите? Может, вы все христиане, я не знаю. Бог знает ваше сердце. Я люблю вас.

153 На балконах сзади, кто-нибудь там хотел бы сказать: «Брат Бранхам, вспомни меня, я грешник. Просто попроси за меня, чтобы я был спасен»? Вы подняли бы свою руку? Да благословит вас Бог, сэр, я вижу вашу руку. Да благословит вас Бог, сестричка, я вижу вашу руку.

Кто-нибудь на балконе справа, не подняли бы вы руку, говоря: «Брат Бранхам, вспомни меня в слове молитвы. Я верю, что Бог услышит твою молитву», если... вы... я... если вы не греш... грешник, вернее, и хочет принять Христа? Да благословит вас Бог, я вижу вашу руку, сестра. Кто-нибудь еще? Я вижу вас, да. И вы, юная леди, я вижу вас.

Внизу, на задних рядах справа от меня, не подняли бы вы руки, говоря: «Вспомни меня»? Да благословит вас Бог, сэр, я вижу вашу руку.

154 Теперь кто-нибудь в центре, где проход между рядами с правой стороны, поднимите руки, в то время как мы просматриваем зал. Всякий грешник здесь, подними руку. В этом проходе здесь, вы подняли бы свои руки? Если нет, то я перейду к левому проходу. Это

горшок и кипятишь это. Точно, вкладываешь все туда и варишь: репу...?... морковку, и картошку, и бобы, и муку. И просто складываешь все это вместе и кипятишь. Ну, почти... Этого рагу «Малиган» должно было хватить на два или три дня. У нас оно было в воскресенье. В нем была говядина, знаете, так что это должно было быть полезно, говядина на четверть доллара (ого!), такой большой кусок. Таким образом, это... Мама нарезала ее кубиками.

23 Это напоминает мне Бадди Робинсона, когда он сказал, что его... Однажды дядюшка Бадди сказал: «Говорю я вам, — сказал, — я поехал на Запад, а там у них была депрессия». И сказал: «Наступила сильная засуха, и у них нечего было есть». Сказал: «Единственное, что у нас было, это сушеные яблоки». Сказал: «Я ем их на завтрак, глотаю их с водой на обед, и они набухают как раз к ужину». Так что это насчет того, насколько нам хватало этого рагу «Малиган», просто постоянно все... до, приблизительно, до среды, тогда это заканчивалось, нужно... Тогда мы переходили к чему-то еще. Все ж таки прекрасные дни!

24 Боже мой! Я помню, как тогда, в те дни, как мы ходили в школу, я помню брата и себя, брата, который был следующим после меня (он тоже во славе), и как мы вместе ходили в школу. Мы шли в школу, и мы были почти что самые бедные дети. Мы пришли из-за реки, из Кентукки, а жители Индианы просто были немного богаче, чем те, кто жил в горной части Кентукки, во всяком случае, в той, где родился я. И... и я, будучи единственным среди них кентуккийцем, конечно, мне приходилось очень нелегко: я имею в виду, что я шел трудным путем. Они просто дразнили меня все время насчет того, что я был «кукурузный крекер».

И вот, а разговаривал я действительно потешно, знаете. Я... Это даже... Я не говорил непонятно, может, все же нет, но я... немного лучше того. Так что я был отчасти косноязычен, знаете, и я говорил забавно, а они смеялись надо мной. И, о-о, у меня было ужасное время. И одет в лохмотья. О, Боже.

25 И я помню, что с моим папой творилась одна вещь: он был... Так вот, если бы он был должен за продукты, то он пошел бы платить по тому счету. Но если бы у него в запасе было десять центов, то он бы на них выпил. Все, что он имел, он пропивал полностью. И именно поэтому сегодня я так твердо выступаю против пьянства. Причина, по которой я так твердо против этой дряни в том, что я знаю, что это разрушило мой дом и похитило меня от любви, которую... Я всегда хотел быть любимым, если бы только кто-нибудь меня любил. И даже мои родные в этом...?... в то время как я был... Я... я просто этого не имел. И мы ходили в школу полуодетые. И что за ужасная жизнь у нас была именно из-за пьянства! Мой папа был... был бы настоящим

мужчиной, если бы у него только не было, не было этой привычки к пьянству.

И я знаю, что это — одно из проклятий нации, и я против этого. Вы говорите: «Разве немного пива вам повредит?» Ты только получи рождение свыше и просто иди и пей столько пива, сколько хочешь, после того как ты рожден свыше. Правильно. Просто вы можете выпить все, что хотите, после того как получили рождение свыше. Но сначала получи рождение свыше, и это... это все, что ты должен сделать.

26 Вот, итак, я помню, как однажды в школе я рассматривал, читал в моем учебнике истории. Я посмотрел туда, а там никто не сидел. А дети смеялись надо мной: был таким оборванным, мои волосы свисали мне на шею. Они постоянно смеялись надо мной. И я читал книгу, где Авраам Линкольн спустился на лодке вниз до Нового Орлеана, и он был... Он... он увидел, как цветного мужчину продавали с аукциона. Он сказал: «Это порочно!» Он сказал: «Это неправильно. И когда-нибудь я ударю по этому. Если это будет стоить мне жизни, я ударю по этому». И он это сделал, и это отняло у него жизнь, точно. И я оттолкнул свою книгу по географии (не мою, но ту, которую я позаимствовал, у меня не было ничего моего собственного), я оттолкнул ее, и я сказал: «И пьянство порочно, и когда-нибудь я ударю по этому, даже если это будет стоить мне жизни». Против этого? Да, сэр.

27 И я говорю это с уважением прямо сейчас, что любой человек, кто действительно получил чуть-чуть Иисуса Христа, покончил с пьянством. Правильно.

Я достал свою первую Библию. Люди имели обыкновение спрашивать: «Правильно ли делать это? Курить неправильно? Пить — это неправильно?» Я сделал... вложил маленький девиз в конце моей Библии. Я здесь взял ее несколько дней назад и просматривал ее, маленькую потрепанную старую Библию. Я сказал:

Не задавай мне глупых вопросов,

Только приведи это в порядок в своем разуме.

Если ты любишь Бога всем сердцем,

То ты не куришь, не жуешь табак, или же не пьешь всякую мерзость.

И правильно. Это все еще нужно, а было это двадцать лет назад, когда я это там написал. Человеку, который рожден свыше, не нужна эта дрянь. Теперь, посмотрите, к чему это привело здесь, в Америке. Вы можете увидеть, есть ли какой-нибудь вред от этого или нет.

28 Одно время у нас был «сухой закон», конечно, у нас были

таким?» Но в один из дней, когда я перейду на другую сторону, тогда все будет по-другому.

150 Я люблю вас. Я здесь в этом месте, в Хаммонде, Индиана, чтобы помочь вам, сделать все от меня зависящее. Я здесь, чтобы молиться с вами, я здесь, чтобы сделать все, что могу. И если вы видите, как я тяжело тружусь от всей души, чтобы постараться заставить людей верить Иисусу Христу. И в тот славный день, когда я там предстану пред Ним, я хотел бы оглянуться назад, и увидеть эту целую массу людей, стоящих там, и сказать: «Господь Иисус, это лучшее, что я мог сделать», чтобы услышать, как Он скажет: «Хорошо, добрый и верный раб. Войди в радость Господина Твоего». Вот где я, надеюсь, окажусь однажды. В один из этих дней, если только они продлятся, я буду... со мной будет закончено, и я должен буду предстать пред Ним. Давайте склоним головы всего на мгновение.

Небесный Отец, когда я оглядываюсь назад, прилагая здесь старания, зная, что сегодня вечером у меня служение, осознавая, что я должен держать себя в руках со всем тем, что у меня есть для служения людям... Когда я оглядываюсь назад на пройденный жизненный путь, на все печали, и страдания, и голод, и на ошибки...

151 Боже, может быть, здесь сегодня сидит молодой мужчина или молодая женщина, которые как раз вышли на жизненный перекресток. Здесь может быть какой-нибудь мужчина или женщина, которые истратили большую часть своих дней и все же никогда не принимали Тебя.

Насколько же я благодарен, когда я иду к могиле моего любимого человека, который покоится там, зная вот это: что это, как зерно пшеницы, которое упало в землю, что в нем заложен зародыш вечной жизни, что он тоже обязательно придет в то же самое время, когда придет Сын. Когда Сын Божий засияет Своей праведностью на землю, тогда моя маленькая Шарон Роуз восстанет. Тогда, когда я обниму ее своими руками, я скажу: «Дорогая малышка, Бог знает лучше всех. Ты знала, что у меня не было никакой возможности позаботиться о тебе. Он знал, что было самым лучшим. Может, сейчас ты бы оказалась в какой-нибудь из этих придорожных забегающих или где-нибудь и была как некоторые из этих современных девчонок. Он забрал тебя. Я знаю, где ты сейчас, возлюбленная: ты с мамой. И когда-нибудь папочка придет».

О Боже, я молю сегодня, как Твой слуга. Я молю, что если здесь есть человек, который не знает Тебя прямо в этот момент, чтобы они сказали: «Это тот час, когда я собираюсь обойти все эти затруднения. Я приму Христа как моего Спасителя. Я буду наполнен Его Духом, и я

Я сказал: «Нет, возлюбленная, это не твоя вина. Но в какой-нибудь из этих дней все поменяется, и... и когда-нибудь Бог проложит путь, и у нас будет... хорошее кресло. А ты разве так не думаешь?»

И она сказала: «Я... я надеюсь, что будет, Билл».

147 И именно тогда, в этом сновидении, она указала на большое кресло. И затем она посмотрела на меня, я сказал: «Ты помнишь то кресло?»

Сказала: «Да». Она сказала: «Но, милый, они никогда не придут и не заберут его. За это уже заплачено. Они больше никогда не придут за ним». Сказала...

Я знаю, мой христианский друг, вон там, где-то по ту сторону небес, когда эта смертная моя жизнь будет постепенно увядать, уходя в завтрашний день... Я знаю, что для меня есть отдых за рекой. Там у меня есть кресло, дом, место. Я люблю их всем своим сердцем. Это искренне, от всего моего сердца. И мои печальные ошибки, которые я сделал в жизни, ты позволь им быть камнями, положенными для перехода.

148 Мое время вышло. Пожалуйста, только сделайте это: если вы никогда не заключали мир с Богом и вы осознаете, что когда-нибудь... Возможно, ваш опыт жизни был не таков, как мой. Надеюсь, что не таков. Но помните: каждому смертному, который здесь, надлежит встретиться с Богом когда-нибудь вон там. И я помню последний поцелуй, которым я коснулся ее губ. Когда-нибудь я встречу ее вон там, по ту сторону, просто так же точно, как я стою здесь. Благодарь Божья спасла меня. Это хранит меня день за днем. И я живу, так чтобы ваш...

Одна женщина сказала мне недавно, приблизительно год назад или два, она сказала: «Брат Бранхам, когда, в конце концов, когда вы дома, — больные люди толпами валят туда, когда вы находитесь здесь, на собраниях, — когда у вас, в конце концов, есть какой-нибудь отдых?»

149 Несколько лет назад, вы видели там, в книжке, и вы не поняли бы, что я тот самый человек. Когда я возвратился домой после моего первого большого собрания, даже мой ребенок боялся меня и убегал от меня. Я потерял большую часть своих волос — они выпали. Мои плечи резко опали. Что-то произошло. В чем же дело? Это из-за откровения видения Божьего, которое снисходит, и я знаю, что это каждый день истощает мою жизнь.

Недавно я посмотрел, когда я стоял, брился, я подумал: «Ох, парень, как же могло случиться, что эти несколько лет сделали тебя

гангстерские войны и все такое. Но что в действительности они сделали, просто точно так же, как дурачиться с яйцом: пойти и одурачить с сердцевинкой яйца. У вас все это есть повсюду. И я не... И я не говорю, что я политический деятель или кто-то, это не мое дело, что они делают, это их дело. Мое дело — проповедовать Евангелие. Но только есть одна вещь, брат, что когда... просто то, что мы попятимся назад и поместили виски во все эти места, мы убрали с этой роли проституток и пьяные игорные заведения и засунули это прямо в наши холодильники.

Однажды я видел картину, изображающую старого Джона Ячменное Зерно. Они называют его «человек виски». У него была шляпа на затылке, и хотя он не был чучелом ужасного вида, сейчас они размалевывают его, они помещают его на бамперы. Однако же он — по-прежнему старый Джон Ячменное Зерно, тот же самый старина. Это совершенно точно. Это походит на попытку размалевать борова, и вымыть его, и попытаться сделать из него совсем другое творение: он будет кидаться в яму с грязью так быстро, как только сможет, пока вы не измените его природу.

29 Так что та вещь, которую мужчины и женщины должны сейчас сделать, — это получить измененную натуру. Бог изменяет внутренний облик человека, заменяет его природу, делает его новым творением во Христе. Я знаю, что вы этому верите.

Вот, но я ни разу не приезжал сюда, чтобы проповедовать, хотя я... я... чтобы рассказывать вам историю своей жизни. Но только подумать, как в те дни, как это было...

Я помню, как сидел в школе. Целый год я проходил в школу без рубашки. У меня даже не было рубашки, мне принадлежащей. Госпожа Уотэм, богатая женщина, сегодня она во славе, католичка, однако, если... О, я знаю, что она была христианкой. И она подарила мне пальто. И это пальто я носил. Я... У меня была... пара старых теннисных туфель, и мои ноги были... Носки туфель отсутствовали, и мои пальцы торчали, как черепаший головы из водоема, когда... посмотреть, как торчали мои ноги. Шел снег, и я приходил в школу, садился там, и на мне было это большое старое пальто.

30 Наступила другая пора года, пришла весна. И я помню один день, ужасно теплый, и пот просто стекал мне по лицу. Я думал: «О-о, как жарко». Госпожа Темпл, и, возможно она сидит здесь, кто его знает: она живет не слишком далеко отсюда. Если она присутствует, да благословит вас Бог, матушка Темпл. Она много значила в моей жизни.

Ладно. Что я теперь собираюсь сказать... Я назвал ее, чтобы увидеть, быть может, она здесь. Если вы здесь, я все еще люблю вас,

сестра.

Она сказала: «Уильям». Воротник моего пальто был наглухо застегнут вот так. Она сказала: «Уильям, разве тебе не жарко в пальто?» Детишки начали перешептываться, знаете, а пахло оно не совсем приятно, я полагаю: носил его всю зиму. И сказала: «Разве... разве тебе не жарко в пальто?»

Я сказал: «Нет, мэм, мне... мне немножко холодно». Холодно... Я не мог снять это пальто: на мне вообще не было рубашки.

Итак, она сказала: «Ну, сынок, ты, должно быть, простудился, Уильям». Она сказала: «Ты лучше пересядь к печке».

Так что она сделала огонь посильнее, усадила меня там. И я сидел там, и с меня пот просто катился градом. Она сказала: «Разве... разве ты не достаточно согрелся, чтобы все же снять это, Уильям?»

Я сказал: «Нет, мэм, госпожа Темпл. Мне все еще холодно». Я не мог снять его, на мне вообще не было рубашки.

Таким образом, она сказала: «Да, думаю, что ты болен. Лучше я отправлю тебя домой». И она отправила меня домой, думая, что я простудился, а я просто вообще не имел на себе рубашки. Я не мог его снять.

31 И я ходил в школу в маминой туфле на одной ноге и в папиной на другой. Как раз точно «сапог и туфелька», если вы знаете, о чем я говорю. Как... И когда большие взрослые парни, просто из-за сатаны и греха...

И когда мы ели, я помню, мы не могли поест с остальными ребятами. У них у всех были бутерброды, белый хлеб. Вы помните, когда раньше была буханка черствого хлеба, которую ты получил и сэкономил... остатки горбушки с определенной целью, безопасные бритвы и так далее? И я помню, когда в то время у них обычно это было, и эти женщины, и большинство пекли им хлеб. Мы не могли этого сделать. Мы не могли себе этого позволить.

И они все брали бутерброды, и делали небольшие бутерброды. Но брат и я не могли сделать так. Мы имели... У нас было маленькое, на полгаллона, ведерко патоки, примерно вот такое. И там у нас был маленький кувшинчик, полный овощей, еще один, полный бобов, два куса кукурузного хлеба и две ложки. Мы ускользали, мы стыдились есть перед другими детьми, у которых были пироги и печенья и все такое.

32 И мы спускались к реке, и садились там, и раскладывали это на бревне, и... и... и садились там, и ели, мы оба. Мы... Я брал из.. из

144 Она сказала: «Знаю, что не можешь, но после ты проснешься, и тогда ты поймешь». Сказала: «Билл, ты волнуешься до смерти». Сказала: «Не волнуйся о Шарон и обо мне. Мы в лучшем положении, чем вы». Сказала: «Все в порядке». Сказала: «Ты просто продолжай и делай, что обещал».

И я сказал: «Ах, Хоуп, я не могу понять всего этого».

Она сказала: « Не хочешь ли присесть?»

И я взглянул, а там было большое-пребольшое кресло Морриса. Я посмотрел на нее. Она сказала: «Помнишь, правда?»

И я сказал: «Да».

145 Одно время, когда я проповедовал, я работал весь день, а проповедовал каждый вечер. И я приходил, и я хотел, чтобы у меня было кресло для отдыха. И я взял старое кресло Морриса. Я заплатил пятнадцать долларов за него. И я заплатил доллар в качестве первого взноса и по доллару раз в две недели. И я заплатил пять или шесть долларов, и я не мог сделать платеж. И однажды, когда я пришел домой, она сказала мне, что... Меня уже настойчиво предупредили. А мы просто не могли внести платеж. Я просто должен был позволить забрать его назад. Я... Это был единственный предмет мебели, который был у нас в доме, который чего-то стоил. И мы заплатили приблизительно одну треть.

И тем вечером, когда я вошел... Она была возлюбленной. Она... она знает... Она испекла мне вишневый пирог, она знала, как я его любил. И она испекла мне вишневый пирог. И она сказала, что она попросила каких-то мальчишек накопать червяков для наживки. И мы собирались пойти к реке порыбачить, и она разговаривала со мной весь... И я понял: что-то не так. И после ужина она сказала: «Так, давай сразу теперь пойдем к речке, Билл». А ей не нравилось ловить рыбу, но она знала, что мне нравилось. Так что она сказала: «Давай пойдем к речке».

И я сказал: «Милая, что сегодня произошло?»

Она сказала: «Ничего».

146 А я смог увидеть слезы в этих больших глазах. Я знал: что-то было не так. Я сказал: «Пойдем в гостиную». Я подумал: что-то не в порядке.

А они... Я уже сообщил им, чтобы пришли, взяли его. Таким образом, они забрали мое кресло. Когда я пошел к двери, она посмотрела на меня, и она меня обняла, она сказала: «Билл, я очень старалась, милый. Я... я... я пыталась. Это не...»

джентльменски. Я снял свою шляпу, и я сказал: «Здравствуйте, молодая леди».

Она сказала: «Привет, папа».

Я сказал: «Папа?» «Да ведь, — сказал я, — мне столько лет, сколько и вам, как же я могу быть вашим папой?»

Она сказала: «Папа, ты просто не осознаешь, где ты». Сказала: «Это небеса». Она сказала: «Где мой брат, Билли Пол?»

И я сказал: «Что такое?»

Она сказала: «Папочка, там, на земле, я была твоей маленькой Шарон Роуз».

Я сказал: «Шарон, и ты — такая леди?»

Она сказала: «Да. Здесь нет маленьких детишек, папа». Сказала: «Мы все одного возраста». Сказала: «Мать ищет тебя».

142 И я сказал: «Где мать?»

Она сказала: «В вашем новом доме».

И я сказал: «Новый дом?» Я сказал: «Да ведь у меня нет никакого дома, милая». Я сказал: «У Бранхамов нет домов. Они бродяги».

Она сказала: «Но, папа, ты получил дом здесь». Она сказала: «Повернись сюда».

И я посмотрел. Это было похоже на холм, полностью занятый большим дворцом, оттуда исходило сияние Божье. Она сказала: «Мать ждет тебя там, папа». И я...

Она сказала: «Я подожду Билли Пола. Мать хочет видеть тебя».

143 И я пустился бежать вверх по ступенькам вот так. И когда я взбежал, там стояла она, как бывало всегда, больше не больная, красивые темные волосы ниспадали на плечи, ее черные быстрые глаза смотрели на меня, она была одета в белое. Она протянула свои руки, и она сказала: «Билл».

Я быстро подбежал, упал к ее ногам, схватил ее руку, и я сказал: «Милая, я этого не понимаю».

Она сказала: «Встань, милый». Я встал. Она сказала: «Послушай».

Я сказал: «Я видел Шарон. Милая, она прекрасная девушка».

Она сказала: «Да, она прекрасна». Сказала: «Она ждет Билли».

И я сказал: «Хоуп, я... я не могу понять всего этого».

маленького кувшинчика с бобами, и брат брал. Потом мы брали из кувшинчика с овощами. Не много, мы должны были так делать: разделить это между собой. И два куса кукурузного хлеба, кукурузная лепешка, кукурузный хлеб, который мама пекла на завтрак и нарезала на вот такие маленькие ломтики, просто нужно было растянуть подольше для остальных детей.

О, я помню однажды, во время рождественских праздников. Я терпеть не могу вспоминать эти вещи. Но во время рождественских праздников у нас была рождественская елка. И дети в школе брали и нарезали небольшие белые полоски бумаги, и синие полоски, и зеленые и делали маленькие цепочки, вы знаете, как они обычно делали в школе. И мы принялись за наш дом. Таким образом, мама думала... Она пошла в поле, мы пошли и срубили маленькую рождественскую елочку, примерно вот такую.

33 И пришел папа. И у него было немного воздушной кукурузы, которую они выращивали. И они... они поджарили зернышки и сделали бусы, и мама нанизывала... иголкой на нитку, чтобы навесить вокруг... рождественской елки, там, где мы собирались поставить рождественскую елку. Рождественским вечером мы вешали свои чулки, а на следующее утро мы, может быть, получали апельсин и три отложенных кусочка леденца, и, быть может, в сторонке лежал маленький кусочек бумаги с небольшими неровными кусочками леденца.

И если у нас был апельсин, и кусочек леденца, и яблоко, о-о, что за славный малый, Санта Клаус, должен был приехать, чтобы привезти это нам! Насколько мы были счастливы! Ой, мы съедали те апельсины и сушили корки, а потом эти корки ели. Много раз я совал корки в свой карман на несколько недель и ел эти апельсиновые корки. Да, у нас из этого ничего не пропадало.

34 И я очень хорошо запомнил один случай, когда мама поджарила немного кукурузных зерен. У нее было... еще одно маленькое полугаллоновое ведро с сиропом, и она добавила в него жареной кукурузы. И мой брат, сегодня он во славе, когда мы взяли ведро с собой, мы поставили его в старом гардеробе деревенской школы. И я уселся там, и я думал: «О, что я буду...» Это была некая... то, что мы называем диковинкой, знаете ли. О-о, это... что-то очень редкое. И я думал: «Интересно, если бы я смог как раз перед обедом взять хорошенькую горстку этого (видите?), прежде чем наступит обед?» Так что я подсчитывал все это. Итак, я поднял свою руку, спросил учителя: «Можно мне выйти в туалет?»

«Да».

35 И так мы... Я вышел в гардероб, я открыл это ведерко, засунул руку и взял весьма большую горсть этих зерен. Положил ведерко назад, пошел там... крышку ведерка, вернее, пошел назад и встал за старым дымоходом, там, сзади, и ел эту жареную кукурузу. О, это было замечательно! Я возвращаюсь и очень хорошо вытираю рот и руки, знаете ли, чтобы мой брат этого не заметил.

Таким образом, когда наступило время обеда, мы вышли, схватили наше ведерко и пошли, чтобы поесть. После того как мы... Знаете, мы хотели съесть жареную кукурузу в первую очередь, потому что это было лучшее из того, что мы имели в своем распоряжении. Итак, мы открыли ведерко, и приблизительно одна треть его содержимого исчезла. Мой брат, значит, оглянулся, он сказал: «Послушай-ка, — сказал он, — что-то случилось с этой кукурузой».

Я сказал: «Точно, что-то случилось». Я... я знал, что случилось.

36 Вы знаете, друзья, недавно я приехал из Хьюстона, у меня там было собрание. И я так устал. Я... я просто не мог... Я... я просто падаю в обморок. Я восемь дней и ночей не покидал платформу. Я сказал: «Я буду молиться за каждого приходящего». И я оставался там и молился в очереди, пока не оказался в бессознательном состоянии, они упаковали меня в автомобиль. И я... Они были бы...

Я лягу возле кафедры и немножко посплю, а потом проснусь: молитвенная очередь по-прежнему ожидает. Я не знаю, где это было там, на улице, я просто... просто продолжаю молиться за одного, за другого. Потом они принесут мне что-нибудь, я немного поем; а потом, может быть, молюсь, пока не стану настолько сонным, прислонялся к кафедре вот так, в течение многих часов. Я становился настолько изнуренным, они пытались уложить меня в кровать, а я не мог лечь в кровать. Тогда я не мог спать.

37 Я отправился домой. И я никогда не забуду, по дороге домой я... я продолжал вести машину, и я очнулся. У меня был старенький «Форд». Это было приблизительно пять лет назад. А это наваливалось опять, и это было... Ну, вы знаете, что я имею в виду, все было в порядке, это... просто избавиться от этого было довольно тяжело. Поэтому у меня не осталось обшивки напротив на дверке, куда я бил ногой, пытаюсь бодрствовать, и повыдергивал все волосы, пока у меня не осталось волос, их еще нет до сих пор на тыльной стороне ладони, старался бодрствовать, молился за больных, пытаюсь бодрствовать, чтобы... чтобы заставить молитвенную очередь двигаться.

Я нашел кого-то, кто любил меня, кто-то, кто любил меня, а я любил их. И я пытался послужить им от всего сердца. И я помню, как я очнулся. Я был... И машины ревели, а я спал и ехал по другой стороне

За рекою есть страна, вечно сладкая она,

Только с верою глубокой мы достигнем вход далёкий.

Друг за другом, ты и я, мы услышим песню — вечность,

Приглашая в бесконечность, колокольчиком звеня.

138 Здесь недавно, на Пасху, я взял Билли к могиле, чтобы положить на нее цветок. Маленький парнишка нес цветы. И мы шли рядом, подошли к могиле матери, просто... Было раннее утро. Я заметил, как парнишка снимает шляпу, как и я, мы положили цветок на могилу матери и ребенка. Мы встали на колени. Я обнял его, я сказал: «Сынок, мальчик, похоже, что мы были тебе и матерью и папой». В течение многих лет я жил один. Я прятал его маленькие бутылочки в пальто, чтобы держать их теплыми, клал их под подушку по ночам, чтобы своей головой греть их и держать его молочко теплым. Я сказал: «Я сделал все, что мог, чтобы воспитать тебя хорошим мальчиком». Я сказал: «Здесь лежит прах земли, откуда пришли мать и сестренка. Но, милый мальчик, за этим покровом, в Иерусалиме, находится пустая могила. Те, кто умерли во Христе, в один день они изыдут из этой могилы». И мы... Маленький паренек сдерживал слезы, мы встали на колени, молились у могилы.

139 Я помню, как после этого я пытался пойти работать, немного позже. Я думал, что буду... Ничто не сравнится с домом. Если ваш дом когда-нибудь будет разбит, ничто его не заменит. Я не нашел мира нигде. Однажды, когда я был готов совершить самоубийство, когда я заходил в комнату, я просто не мог больше выдержать. Это просто... Я забрался вверх. Я был на линии, и я забрался на столб. И я был... Однажды утром я пел: «На далеком холме старый крест виден мне». И случайно я посмотрел. И эта рука пересекла столб, я стоял, откинувшись на моей страховке. Моя тень на том склоне, где был столб, походила на распятие. И внезапно я подумал: «Да, именно мои грехи повесили Его туда».

140 И я посмотрел на это, и я сказал: «О Боже, я не могу больше выдержать». Я сказал: «Шарон Роуз, милая, этим утром я иду увидеть тебя». Я снял свои перчатки. Я был линейным монтером, вы знаете, перчатки на две тысячи триста вольт. Я стянул свою резиновую перчатку. Возле меня бежала первичная линия, две тысячи триста вольт, коснись ее, — это сломало бы каждую косточку в твоём теле. Я сказал: «Шарон, милая, ты слышишь меня? Этим утром папочка идет домой, чтобы увидеть тебя». Тогда я стянул ту перчатку, и я сказал: «Боже, это трусливая уловка, но я...» [Пустое место на пленке — ред.]

141 И я прошел мимо, стараясь, как всегда, вести себя по-

или кем бы то ни было. Они могли бы так сделать. Я буду служить Тебе, если Ты только позволишь моему ребенку жить, Господи. Пожалуйста, позволь», — вот так умолял.

135 И я посмотрел вниз. И как только я посмотрел вниз, где... Вот приближается, спускаясь, черное покрывало. Я знал, что это было. Я знал, что она умирает. Я посмотрел на нее вот так. И ее маленький ротик стал открываться. Ее глазки перекосились. И я сказал: «Шерри, ты узнаешь папочку, милая?» И она издала короткий странный звук. И я положил руку на ее головку.

Тогда ко мне пришел сатана, и он сказал: «Теперь ты будешь доверять Ему?»

Я положил на нее руку, я сказал: «Боже, Ты дал мне ее, Ты забираешь ее от меня. Да будет имя Господне благословенно». Сказал: «Боже, я не могу отречься от Тебя, я не могу сказать, что Ты несправедлив. Я должным образом заслуживаю все это наказание. Ты по-прежнему праведен, и я по-прежнему люблю Тебя. Я по-прежнему буду служить Тебе всем сердцем. Теперь, что касается моего ребенка, Господи. Я умолял Тебя, я попытался убедить Тебя сохранить ее. Но тем не менее не моя воля, но Твоя да будет».

136 Именно тогда я почувствовал, как мои человеческие силы иссякли, мое тело стало рушиться на пол. Я удержался за край кровати. Ангелы Божьи пришли и взяли ее маленькую душу и унесли ее к ее матери. Они взяли ее маленькое тельце, положили на руки матери. Я смотрел туда и, о Боже... Повез ее на кладбище, опустил вниз. И брат Смит стоял там, методистский проповедник, проповедовал на ее похоронах, обнял меня, поднял комья праха, бросил на крышку гроба, сказал: «Пепел к пеплу, прах к праху и земля к земле». Мое сердце тоже ушло туда: моя возлюбленная, мой ребенок.

Потом заболел Билли Пол. Он лежал прямо на краю смерти, ему было восемнадцать месяцев. В последний раз он видел свою мать, когда сидел во дворе в моей старой бейсбольной кепке, вот так, а ее увозили в санитарной машине, ее...?... говорила: «Мой малыш. Мой малыш». Маленький парнишка, сидящий во дворе... Я знаю... Извините меня. Она... Мы спускались по улице... И Билли был дома у моей матери, и он смотрел на нее. Не знал...?... его мать...?... ее смерти, и ее попытку помахать через окно санитарной машины своему ребенку там, во дворе, бедному маленькому парнишке.

137 Я смотрел туда. Они похоронили ее. Было похоже, как будто шепот пришел сквозь те деревья, казалось, что я мог слышать, как ее голос говорит:

дороги. И спустя какое-то время, вот что забавно, я проснулся. Я остановился. Я не мог придти в себя. И мои руки были выставлены в окно. А я был на коровьем пастбище, мои руки были выставлены в окно, я говорил: «Только верь, сестра, это единственное, что ты должна сделать. Только верь». И я... я сказал: «Что со мной такое?»

Я... Я вышел. Я действительно съехал с дороги на коровье пастбище, заснул на дороге. И я приехал домой. И, о, Боже, когда я возвратился домой, а там были они. И перед — мы не пускали людей в дом — и там они были выстроены в очередь, сто пятьдесят-двести человек расположились перед домом.

38 Жена... Я помолился за стольких, за скольких только смог, это затянулось до рассвета. И я послушал ее. Так вот, сегодня многие из этих людей могли бы быть здесь. Она уложила меня в кровать, и я стал успокаиваться. Я проснулся, и оказалось, что спустя короткое время моя рука обхватывает подушку, я стоял на полу, говорил: «Теперь, кто следующий? Так, если вы просто будете верить. Иисус Христос сказал, что если бы я заставил людей поверить», молился со своей подушкой в руках.

39 А жена просто села и заплакала. Ей тридцать два года, а она почти седая. Если какая-нибудь заслуга приписывается семье Бранхамов, отдайте это моей жене. Она — единственный человек, который заслуживает этого, не я. И, стоя там, я помню, она...

Я как раз заснул. Я услышал грохочущий шум, и это был старенький «Шевроле», ехал всю дорогу из Огайо, приехал сюда. Маленький ребенок кричал не переставая в течение многих дней, доктор не знал, что с ним случилось. И я услышал, как жена сказала: «Вот, если вы просто присядете». Это было задолго до... до, я полагаю, около трех или четырех часов утра. Сказала: «Если вы просто присядете, — сказала, — я... я приготовлю вам что-нибудь поесть».

Сказал: «Нет, мы позавтракали, сестра Бранхам, но единственное, что... мы только подумали...»

Сказала: «Ну вот, мы только что уложили его спать». Сказала: «Не будите его сейчас».

А я лежал там. И я слышу, как маленький ребенок кричит и кричит просто вот так, знаете, хрипит и издает странные звуки, плакал до тех пор, пока просто уже не мог больше плакать. Вы думаете, что я мог спать — а тот маленький человечек лежал там — и думать о том, что, может быть, молитва помогла бы ему? Я не мог этого сделать.

40 Шатаюсь, я вошел в комнату. И она начала плакать, пошла и села. И я сказал: «Мать, ты веришь?» И она... У нас были две маленькие

комнатки, где мы жили. И она положила ребенка там на столе. И я сказал: «Давайте встанем на колени вокруг стола». И мы начали молиться.

Когда мы еще молились, маленький ребенок перестал плакать. Примерно через час они уехали. Ребенок ворковал и смеялся, общаясь со своей матерью. Уехали, было немного иначе.

Она сказала: «Прежде чем соберутся толпы, давай я заберу тебя куда-нибудь». Так что мы сели в автомобиль и поехали куда-то, аж до Гринс Милл, где я увидел видение, где я получил поручение. Мы вернулись вечером. Мы проезжали мимо того старого школьного здания, где оно раньше стояло. Я остановился там.

Я помню старый колодец, из которого я обычно пил. И детки были... Маленькая девочка, моя маленькая Ревекка собирала фиалки. Ей был примерно годик или около того, годик с половиной. И, играя, она собирала там фиалки. И я пошел и напился из этого старого колодца. Я подумал, как Давид сказал, что если бы он только мог испить из того колодца.

41 Я пошел и оперся руками о старый деревянный забор. Я посмотрел туда, я посмотрел на поле, где я часто играл. Я помню, как однажды, первое воспоминание, 1917 год, когда большой снег пал на землю, я помню, как там все мальчики катались на санках. Они могли кататься. У брата и у меня никаких санок не было.

Я увидел старый холм, с которого мы часто скатывались вниз. У меня не было никаких санок. Вы знаете, что мы использовали вместо саней? Мы пошли на старую деревенскую свалку и добыли старую мойку. И я сажился, мы садились в эту мойку, обхватывали друг друга ногами. На земле был гололед, многие из вас помнят снег 1917 года. И я сажился в эту мойку, обхватывали друг друга руками, катились вниз по холму, крутились, и крутились, и крутились в мойке. Это не было так шикарно, как у остальных, но мы ехали все равно. Так какое это имело значение?

42 Мы катались с холма в этой старой мойке. И спустя какое-то время от нее отлетело днище. Тогда я пошел и взял себе бревно, и мы садились на бревно. И я помню, как мы спускались вниз, просто по холму. У нас было маленькое старое бревно, которое я отрубил топором, передняя его часть. И мы спускались там.

И был мальчик... Это были времена Первой мировой войны. Все носили униформу, которую были в состоянии надеть. И мой друг, которого звали Ллойд Форд, он раньше рекламировал этих следопытов, и таким образом он... он получил себе... костюм бойскаута. И, о-о, как я жаждал иметь костюм бойскаута! О-о! И я смотрел на него, одетого в

Мы положили ее в изолятор». Сказала: «Вы этим заразите Билли Пола». Сказала: «Вам нельзя заходить».

Я сказал: «Я должен увидеть своего ребенка».

132 Она сказала: «Вам нельзя заходить, преподобный Бранхам, это — туберкулезный менингит. Она подхватила его от матери. Это в позвоночнике, и теперь она умирает». И сказала: «Если вы войдете туда, — сказала, — есть опасность передачи этого ма... вашему мальчику». И сказала: «Вам нельзя входить». И она сказала: «Войдите в комнату».

И я пошел в комнату. Когда она закрыла дверь, я прошел прямо позади двери и пошел прямо вниз, туда, где это было. Очень бедняцкая больница, я посмотрел туда, а они приладили маленькую тряпочку по сторонам, маленькие москитные сетки, как они это называют. По ее глазам ползали мухи. Это было внизу, на цокольном этаже, в изоляторе. Я вошел и посмотрел на своего ребенка. Она лежала там, моя возлюбленная, ее маленькие крохотные голубенькие глазки посмотрели на меня, ее маленькая ножка, знаете, ее маленькая пухленькая ножка лежала, скрестившись, на другой маленькой ножке. И она была... Ее маленькая ножка двигалась вверх-вниз, как при небольшой судороге, ее маленькая ручка как бы помахала мне. Я сказал: «Шарон, ты узнаешь папочку?»

133 И ее маленькие губки задрожали. А она страдала так тяжело, до того, что один из тех маленьких голубеньких глазок перекосялся вот так. О, Боже. Когда я думаю об этом... Я не могу выдержать, когда вижу косоглазого ребенка. Вы знаете, иногда Бог должен взять цветок, раздавить его, чтобы сделать духи. Я... Каждый раз, когда я вижу косоглазого ребенка, я думаю об этом. Я еще не видел, чтобы Бог кого-то не исцелил.

Тогда я заметил, как этот маленький глазик повернулся вот так. Я подумал: «О Боже». Я упал на лицо, я сказал: «Боже, пожалуйста, не забирай ее. О Боже, Ты собираешься...» Я сказал: «Сначала заberi меня. Позволь мне умереть. Я тот, кто согрешил». Но Бог знает точно, как воздействовать на твое сердце...?... Да, Он знает.

134 И я сказал: «Я тот, кто поступил неправильно, Господи. О, не забирай моего ребенка. Заberi меня, Господи. Моя жена лежит вон там, в морге, и вот Ты собираешься забрать моего ребенка. Пожалуйста, не делай этого, Господи. Я... я служил Тебе, я... я стыжусь самого себя, что я послушал кого-то вместо Тебя. Я никогда не сделаю этого снова, Господи. Я... я хочу жить для Тебя, я буду делать все, что Ты хочешь, чтобы я сделал. Эти люди не помои. Они — не отбросы». Я сказал: «Я пойду. Мне все равно, кто назовет меня святым роликом

луна и солнце встанут там вместе, черные, истекая кровью...»

130 Мы не верим в смерть христиан. Вы не сможете доказать мне, что христианин умирает. Кровь Иисуса Христа убирает грех, она не покрывает его. Теперь верующий идет в Присутствие Бога.

Так вот, я сказал: «Милая, если в тот день я буду спать, если... если я буду бодрствовать, ты приди первой, ибо умершие во Христе воскреснут прежде». Я сказал: «Ты быстро беги к створке ворот Города». И я сказал: «Когда ты увидишь Авраама, Исаака и Иакова и их прибытие, — сказал я, — ты из всех сил начинай выкрикивать тогда мое имя: «Билл, Билл», так громко, как можешь». И я сказал: «Я возьму Шарон и Билли и соберу их вместе, и я встречу тебя там, у ворот, прежде чем мы войдем».

Она взяла мою руку, она сжала ее. Я наклонился и поцеловал ее на прощание. Она... Эти ангельские глаза снова посмотрели на меня, когда она уходила, она сказала: «Я буду ждать тебя у ворот».

Бог забрал ее драгоценную душу во славу. Я стоял там, глядя на нее. Что я мог сделать, когда моя возлюбленная ушла: оторвалась сама эта часть моего сердца? Я вышел оттуда, чтобы пойти домой, отвез ее тело в похоронное бюро. Ее забальзамировали. И я пошел домой, пытался заснуть, я не мог этого сделать. Через какое-то время в мою дверь постучал мужчина, сказал: «Билли?»

Я сказал: «Да».

Сказал: «Мне очень не хочется тебе это говорить».

Я сказал: «Но, брат Фрэнк, я повел себя правильно тогда, когда она умерла».

Он сказал: «Я не об этом». Сказал: «Твой ребенок тоже умирает».

Я сказал: «Кто, Билли?»

Сказал: «Нет, Шарон».

Я сказал: «Нет, конечно, нет».

131 Сказал: «Доктор Адэйр только что приехал, забрал ее и доставил в больницу. И у нее туберкулезный менингит. Шансов нет. Они говорят, что она скоро умрет».

Она была совершенно здорова. Я помчался быстро, как мог. Они должны были удержать меня, посадить в старый грузовик «Шевроле», он и его мальчик. Я просто не мог держаться невозмутимо, мое сердце разрывалось.

Я пошел туда, в больницу, вошел туда. Там сидела медсестра, сказала: «Так вот, преподобный Бранхам, вы не можете туда войти.

тот костюм бойскаута. Он носил его в школу, и как мне это нравилось. Я договорился с ним, я сказал: «Ллойд, когда ты доносишь этот костюм, ты отдашь его мне?»

Он сказал: «Конечно, Билли, я отдам его тебе».

Я сказал: «Порядок».

Ну, все так и шло. И по прошествии времени он перестал его носить. И я спросил его об этом. Он сказал: «Я посмотрю, что с ним случилось».

Ну, костюм был уничтожен. Единственной вещью, которую он смог найти, была одна крага. Так что я попросил, чтобы он мне ее принес. Итак, он мне ее принес.

43 И помню, как однажды мы катались с этого холма. Я хотел носить эту крагу так сильно, я не знал, что и делать. В один из дней я спускался с холма, эта крага была у меня в пальто. И я достиг подножия холма, и я встал, и я сказал: «Ох, я повредил свою ногу». Я ее не повреждал. Я сказал: «Ох, моя нога». Я сказал: «Вы знаете что, по этому поводу я только что вспомнил: у меня есть одна из моих краг к моему костюму бойскаута». Я надел эту крагу. Это была отговорка, вы видите. Вот, я, значит, прохаживался с одной крагой на ноге.

И я пошел к классной доске. Ну и вот, вы помните, как раньше в старых деревенских школах вы вставали к доске? Ну вот, в тот день я встал, я поставил эту ногу, ту, на которой краги не было (я уже это рассчитал), рядом с доской. И я поставил эту другую ногу вот так, таким образом они не могли сказать, что на мне была только одна крага. Я встал боком вот так, решая задачи, смотрел, все ли видят эту одну крагу.

Все детки стали смеяться надо мной и высмеивали меня и все такое. И я начал плакать. Учитель заставил меня пойти домой. Вот и моя крага, значит.

А я всегда хотел быть солдатом. Когда я стал достаточно взрослым, чтобы пойти в армию... Конечно, тогда никакой войны не было. Я помню, когда мне было семнадцать, я записался на флот. Когда я возвратился домой, моя мать изъяла это у меня. Тогда, когда разразится следующая война (вот так!), они бы меня не достали.

44 Но вы знаете что? В конце концов я присоединился к Армии. Может, вы и не видите моей униформы: она находится внутри. Я вступил в христианские шеренги Иисуса Христа, чтобы быть солдатом креста. Как я благодарен, что сегодня днем я ношу эту униформу, которая представляет небеса, чтобы присоединиться ко всем вам!

Я стоял там, смотрел на это и размышлял о тех событиях, когда я стоял, опершись о забор. И я начинаю думать о брате, как я забрал у него ту горстку жареной кукурузы. Когда мы клали руки друг другу на плечи, обычно мы делали так, стояли там, а флаг поднимали, учитель при помощи той большой указки направлял, заставлял нас войти в строй. Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, шли в школу.

И я подумал: «Ну вот, смотрите, вы знаете, раньше я вспоминал Ральфа Филда. Что случилось с ним?» Да, он умер. И я сказал: «Был Говард Хиггинс». Да, он обычно защищал меня. Что случилось с ним? Он погиб там, в «Колгейт». Я сказал: «Да, это так».

45 Я вспоминаю других людей, что случилось с ними. Я сказал: «Так, мой брат Эдвард, который стоял прямо позади меня и клал руку мне на плечо, — это тот, у кого я забрал жареную кукурузу, — сказал я, — что случилось с ним?»

Несколько лет назад он умирал, призывая меня, сказал: «Передайте Билли...» Я еще не был христианином, сказал: «Передайте Билли, что я люблю его и когда-нибудь я встречу его на небесах». Я был... И я помню, когда рейнджер выехал в прерии, и я выбрался из седла. Сказал: «Твое имя Бранхам?»

Я сказал: «Да, сэр».

Он сказал: «Уильям?»

И я сказал: «Да, сэр».

Он сказал: «У меня для тебя есть сообщение». И он передал его мне, и я прочитал телеграмму: «Твой брат Эдвард умер вчера вечером». Хм. Все это начинает возвращаться, и я стоял там, глядя через забор: я видел эту горсть жареной кукурузы.

Никогда не делайте ничего неправильного: когда-нибудь это к вам возвратится, неважно, насколько это мало.

46 Я стоял там, слезы покатались у меня по щекам, я думал: «Боже, я бы отдал мир, я отдал бы остаток моей смертной жизни, если бы Ты позволил мне взять эту горстку жареной кукурузы, и подойти к двери, и сказать: «Эдвард, дружище, вот здесь эта горстка жареной кукурузы, я обманул тебя в тот день». Да ведь я отдал бы все, что угодно, если бы мог отнести это ему! Но он умер.

Я посмотрел через поле, где раньше стоял старый дом. Ну, да это муниципальное жилье! Родник высох и пропал.

Раньше я думал, когда мы обычно... У нас был кусок старого зеркала, вокруг которого в дерево мы вбили гвозди, и небольшая старая скамья для стирки. Когда папа приходил туда, приблизительно

Вы никогда не поймете, что я чувствовал, когда я заглянул туда и увидел два доллара семьдесят центов пятаками и десятицентовиками на покупку винтовки.

128 Она сказала: «Теперь следующее». Она сказала мне о каких-то чулках, которые я купил ей однажды, которые... Я не знал, как покупать чулки, и я назвал их носками, и я купил не то. И она сказала мне, что это... это было не то, и она отдала бы их моей матери, потому что это было не то, что... что носила она.

Итак, она сказала: «Следующее, что я хочу, чтобы ты обещал мне».

Сказал: «Что?»

Она сказала: «Что ты не будешь жить один».

И я сказал: «О, Хоуп, пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не проси меня, милая».

Она сказала: «Послушай, Билл, — сказала она, — на небесах не будет никакой женитьбы или замужества». Она сказала: «А у меня здесь двое маленьких деток, которых я оставляю с тобой». И она сказала: «Я не против уйти, но я очень не хочу оставлять вас». Сказала: «Я очень не хочу оставлять Билли Пола и Шарон». Она сказала: «Но Билли, если... если их надо растить, а ты в служении, а они будут болтаться туда-сюда, — сказала она, — найди какую-нибудь хорошую девушку, какую — нибудь хорошую девушку, у которой есть Святой Дух, — сказала, — позволь ей занять мое место матери».

129 Я подумал о двадцатидвухлетней женщине, вот так умирающей. Я не мог обещать ей. Я сказал: «Милая, я... я... я просто не могу обещать этого. Я... я... я не могу этого сделать».

Она сказала: «Ты же не дашь мне уйти несчастной?»

Я сказал: «Нет». Я сказал: «Просто я сделаю лучшее, что смогу».

Она сказала: «Билл, я... Они возвращаются». Сказала: «Не думай, что я вне себя, это не так, — сказала она, — но я чувствую, что Они подходят. Они приходят за мной».

Я отстранился, смотрел на нее, я сказал: «Возлюбленная, если ты уходишь, все хорошо. Я заберу твоё тело сюда, на кладбище Волнат Ридж, и я насыплю холм и положу тебя туда». И я сказал: «Тогда, если Иисус придет прежде, чем я уйду, я буду где-нибудь на поле битвы, проповедуя Евангелие Святого Духа». И я сказал: «Если я засну, то я буду на твоей стороне». И я сказал: «Послушай, милая, ради моего последнего свидания с тобой, моей возлюбленной, — сказал я, — когда большой жемчужно-белый город придет, снисходя от Бога с небес, и

пальмы, как на востоке, и большие птицы перелетали с дерева на дерево». Сказала: «Это такое красивое место».

125 Вы знаете, что я думаю? Я думаю, что Бог позволил ей прорваться в рай, когда она переходила. И она сказала: «Ты знаешь, Билл, та религия, о которой мы говорим, после того как мы приняли Святого Духа...»

И я сказал: «Да».

Она сказала: «Никогда не прекращай проповедовать это». Она сказала: «Пребывай с этим». Она сказала: «Это истинная вещь».

И я сказал: «Милая, наверное, если бы я услышал...»

Она сказала: «Да, Билл». Она сказала: «Теперь послушай, милый, — сказала она, — я быстро ухожу». Она сказала: «Но помни, что чудесный Святой Дух, который мы получили, — сказала она, — Он проведет меня». Она сказала: «Обещай, милый, что ты никогда, никогда не прекратишь, ты никогда не ослабнешь, ты будешь всегда стоять по отношению к этому верно». Она сказала: «Так замечательно иметь это, когда умираешь».

И я сказал: «Я... я буду».

Она сказала: «Есть несколько вещей, я хочу, чтобы ты мне обещал».

Я сказал: «Что это, милая?»

126 Она сказала: «Ты помнишь то время, когда мы были в Луисвилле, и ты уехал на охоту, и ты хотел купить ту маленькую винтовку 22-го калибра?»

Я сказал: «Да».

И сказала: «У тебя не хватало трех долларов, чтобы сделать первый взнос».

Я сказал: «Да». Я очень люблю винтовки и все такое, для меня это и спорт и отдых, должен сказать. И я... я сказал: «Я помню это».

127 Она сказала: «Милый, я старалась экономить из всех сил наши пяточки и все такое, чтобы купить ее тебе». Она сказала: «После того как я умру, иди домой, и прямо у изголовья той старой раскладной кровати, на которой спал брат Райан, — сказала она, — прямо у изголовья под газетой ты найдешь деньги, которые я сэкономила». Она сказала: «Я сберегла это из денег мне на одежду и на вещи, которые ты позволял мне иметь, — сказала она, — чтобы сэкономить их; так я могла собрать, чтобы хватило для первого взноса, чтобы купить тебе эту винтовку».

сто шестьдесят фунтов, рост примерно пять футов семь или восемь дюймов. Мужчина? О-о, вот это да! Лесоруб, мускулы вот так выступали на нем. Я смотрел, как он закатывает рукава той старой синей рубашки, старая ореховая рубашка, мама ее сама сшила для него, закатывал их вот так. Когда он шел, чтобы помыться, а мускулы перекачивались туда-сюда, я держался на расстоянии, я говорил: «Это мой папа. Это мой папа. Он будет жить сто лет. Это мой папа. Когда я буду стариком, я по-прежнему буду ласкать своего папу с его большими мускулами». Видите? Он умер в пятьдесят два. «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего».

47 Я там узнал старый дом, он был проконопачен, и каким же этот дом был большим! Разломанный и разоренный — муниципальное жилье. Где же та большая чудесная ватага мальчишек? Почти каждый из них мертв.

Я думал о Ролле Хелловее, моем друге. Обычно он стоял там, маленький рыжеволосый парнишка, у него было достаточно крутого нрава, чтобы сразиться с циркулярной пилой: умер в тюрьме. Он застрелил человека во время игры в кости.

Здесь я стал думать о Вилмере, подумал, что случилось... Вилмер...?... Я думал: «Что случилось с ним?» Да, правильно. Что случилось с ним? Он дрался на ножах с одним парнем, и он вспорол ножом его горло.

Я оглянулся сюда назад, и я заметил... подумал об Уиллисе...?... «Что случилось с тобой, Уиллис?» Да, я видел, что случилось с ним, как он был поражен болезнью. Это разрушило его тело.

48 Я смотрел вон туда и видел каждого и, кажется, их всех, и я думал: «О Боже, здесь я остался один. Кто я? Где находятся они?» И вы знаете, первое, что было: стоя там, я закричал насколько хватило голоса: «О Боже, пусть придут Ангелы Божии, возьмут это бедное усталое тело, заберут меня далеко отсюда. Этот мир — больше не мой дом».

Я только что выбрался с того собрания, где я был психически измучен за восемь дней и ночей на платформе, меня шатало. И все эти вещи переполнили меня. Я думал: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего». Я думал: «О, Боже!» Жена подошла, обняла меня, сказала: «Посмотри, милый, ты приехал сюда, чтобы отдохнуть, а вот, ты стоишь здесь и плачешь, как ребенок. Не надо, не плачь».

Я сказал: «Возлюбленная, если бы ты знала, что прошло сквозь мое сердце и разум... Стоя возле этого дома, я вспоминаю, когда маленькая Шарон заболела».

49 Она сказала: «Вот, не думай об этом». У меня настоящая жена. И она позвала меня, чтобы я ушел оттуда, и подхватила ребенка, и посадила его мне на плечи, и мы сели в автомобиль и уехали.

Как же, думая о происходящем. Иногда ты согласишься, скажешь: «О, брат Бранхам, я луч...» Вы подозреваете, вы не знаете, что именно заставляет брата быть таким. Вы не знаете, как много раз из этого бедного сердца делали месиво, и сокрушали, и ломали, и скручивали. Вы этого не понимаете. Правда. Это похоже на цветочное ложе беззаботности, но разве вы думаете, что сатана позволил бы мне вот так проскочить?

Потребуется неделя на то, чтобы стоять здесь и рассказывать вам обо всем, что происходило: как я был прямо у порога двери смерти, потом Бог пощадил меня; как сатана везде ставил ловушки, и у него они все еще стоят, ведущие прямо к той двери. Но он будет не в состоянии взять меня, пока Бог со мной не закончит. Тогда я хочу уйти: когда Он закончит со мной.

Когда я отпроповедую свою последнюю проповедь, Библия на кафедре закроется последний раз, моя последняя молитва будет вознесена к Богу, я не смогу больше ничего для Него сделать, тогда я хочу, чтобы Он пришел, забрал меня отсюда. Это так.

50 Когда я был мальчишкой, со мной произошла очень странная вещь, когда я был маленьким мальчонкой. Однажды после школы ко мне воззвал Ангел (мне было около семи лет), который сказал мне никогда не пить, не курить и не осквернять свое тело.

И я... я... сейчас я не имею это в виду по отношению к вам, сестры (вы понимаете?), но если когда-либо были женоненавистники, то я был одним из них. О Боже, я видел, как они приезжали, когда мой папа содержал то место, где незаконно торговали спиртным. И я видел, как туда приезжали женщины, молодые женщины с мужем какой-то другой. И то, как они себя вели, я сказал: «Если так обстоят дела, я не взял бы ни одну из этого сброда, если бы они женили меня на одной из них». Правильно. Я... Это правда, я думал это. Я даже...

Единственная женщина, которую я почитал, была моя мать. И совершенно справедливо, и я знал, что она была леди. Я видел, как она сидела на пороге двери с младенцами на руках, и плакала, и плакала, и плакала, потому что ее не впускали в дом.

51 Когда мой папа, — он был настоящим мужчиной, когда был трезвым, но будучи пьяным, как... что он делает. И у меня была трудная жизнь, к слову говоря.

Я думал: «Нет, у меня не будет...» Я не... Даже когда мне было

возлюбленная, ты ответишь мне?» Я сказал: «Ты... Ты... ты ответишь мне, милая?» Я сказал: «Ты поговоришь со мной еще только раз?»

Я сказал: «Боже, я знаю, что я был неправ, но если Ты только позволишь ей поговорить со мной еще раз. Ты позволишь, Боже? Пожалуйста, позволь ей поговорить». И в то время как я молился, я смотрел. Если я проживу сто лет... я никогда этого не забуду. Те большие темные глаза открылись, и она посмотрела на меня. Она показала жестом, чтобы я нагнулся. Я смотрел на нее, я сказал: «Возлюбленная, с тобой все в порядке, правда?»

123 Она сказала: «Зачем ты позвал меня, Билл? Зачем ты позвал меня?»

Я сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Она сказала: «О, мне было так легко». Она страдала так тяжело.

И я сказал: «Что значит «легко», милая?»

Она сказала: «Ладно, — она сказала, — Билл, ты знаешь, что я умираю?»

И я сказал: «Нет».

Она сказала: «Да». И она сказала: «Билл, я не возражаю против этого». Сказала: «Ты знаешь, почему я умираю, правда?»

И я сказал: «Нет».

Она сказала: «Билл, ты помнишь тот день, мы пошли к матери, и ту группу людей?»

Я сказал: «Помню, милая».

Она сказала: «Мы не должны были это делать». О, мучение сердца моего...

124 Как раз тогда в дверь вбежала медсестра, сказала: «Преподобный Бранхам, вы лучше это выпейте». Она кивнула медсестре. Она коснулась меня рукой, она сказала: «Луиза», мы хорошо знали их всех. Она сказала: «Луиза Хэйл, — сказала она, — я надеюсь, что, когда ты выйдешь замуж, у тебя будет муж, как у меня». Она сказала: «Он был так добр ко мне». Она сказала: «Я надеюсь...» И Луиза, она... она просто не могла этого выдержать. Она поставила лекарство и вышла из комнаты.

И я сказал: «Милая, ты умираешь?»

Она сказала: «Меня забирали домой, Билл». Сказала: «Там был кто-то, одетый в белое, сидели по обе стороны от меня. Я спускалась по большой красивой дороге». И сказала: «Там царил мир, и большие

машине и услышал, как они вызывали меня, что я немедленно должен приехать в больницу. Моя жена умирала, сказали, что она не могла больше жить. Я помчался в больницу очень быстро, сбросил мое пальто, побежал вверх по ступенькам. И когда я бежал...

120 Я никогда этого не забуду. Дорогой доктор Адэйр, прекрасный дорогой парень, и он подошел к комнате. Мы ловили рыбу вместе, мы охотимся вместе, мы спали вместе, мы были закадычными друзьями. И он... он специалист. И он шел по холлу с опущенной головой. Он случайно взглянул, стоя там, и он заметил меня, и слезы покатались по его щекам, и он зашел в комнату.

Я очень быстро пробежал холл, рывком открыл дверь. Он обнял меня, сказал: «Билли, дружисше...» Похлопал меня.

Я сказал: «Что там, доктор?»

Он сказал: «Я просто не могу сказать тебе, Билл». Сказал: «Давай, просто выйди и пусть медсестра тебе скажет».

Я сказал: «Да ладно, доктор. Что там?»

Он сказал: «Она умерла».

Я сказал: «Она не умерла, доктор».

Сказал: «Нет, она умерла».

Я сказал: «Доктор, ты пойдешь со мной в комнату, да?»

121 Он сказал: «Билл, я не могу этого сделать». Он сказал: «Хоуп, как мы... Да ведь она мне была просто как сестра». Он сказал: «Я... я не могу снова войти в эту комнату».

Как раз тогда вошла медсестра. Она сказала: «Преподобный Бранхам, вот немного лекарства. Я хочу, чтобы вы это выпили».

Я сказал: «Я не хочу вашего лекарства». Так что она сказала...

Я вошел в комнату. Она сказала: «Я пойду с вами».

Я сказал: «Нет, позвольте мне войти одному». Я сказал: «Позвольте мне войти и взглянуть на нее». И я вошел. Я сказал: «Она умерла?»

Сказала: «Я... я думаю, что да». Сказала: «Доктор Адэйр ушел несколько минут назад и сказал, что больше ничего невозможно сделать: она умерла».

122 Так что я открыл дверь, вошел. И я посмотрел, она лежала там, и ее глаза были закрыты, рот был открыт, ее маленькое тельце исхудало, она весила примерно сто фунтов, еще меньше этого, ох, вот так. И я положил руку на ее лоб, он был липким. И я сказал: «Хоуп,

семнадцать, восемнадцать лет, я шел по улице, и если я замечал девушку, которую я...?.. я думал, что она собиралась заговорить, не потому что... Просто я не хотел иметь с этим никаких дел, не путался с ними. Я переходил на другую сторону улицы. Со всем этим я вообще не имел ничего общего. Таким образом, я сказал: «Я буду...»

Так вот, мои мысли были вот такими: «Когда я стану совершеннолетним, когда моя мать будет счастлива, мальчишки образумятся и все такое, и я смогу где-нибудь заработать достаточно денег, чтобы помогать, заботиться о моей матери, я поеду в Колорадо, или же в штат Вашингтон, или в Канаду, и я стану ловцом зверей. Я возьму с собой связку капканов, и я возьму свою винтовку, и я буду жить там, пока не умру. Прямо в... горах, занимаясь ловлей».

52 Мой дедушка со стороны матери был охотником. И он... У меня натура, как у него. Поэтому я сказал: «Я просто... Вот что я собираюсь сделать». Это было в моем разуме. Я сказал: «Никакая женщина вообще не будет с этим связана». В самом деле, разве не удивительно, насколько ты можешь поменять свое мнение? Удивительно.

Однажды там была, была... Когда я был пареньком, там появилась молоденькая девушка, и вы знаете, зубки как жемчуг, глазки как у голубки, шейка лебединая, самое прелестное создание из всех тобой виденных. Она взглянула на меня, сказала: «Здравствуй, Билли». Это было так. Другой...

Она была знакома с еще одним мальчиком, моим другом, он рассказал мне, сказал: «О, ты ей нравишься».

Я сказал: «Да знаешь, я почти что дал обещание». Ну, я желал сдаться.

53 И таким образом, он сказал: «Говорю тебе: я возьму мою подружку, а ты возьмешь твою подружку». И сказал: «Мы возьмем их покататься на старом «Форде» моего папаши, — сказал, — если я смогу его завести». Сказал: «Сколько денег ты сможешь наскрести?»

Я сказал: «Не знаю». Таким образом, мы наскребли достаточно, чтобы залить два галлона бензина. На двоих у нас было приблизительно сорок центов.

Он сказал: «Теперь вот что: мы должны им что-нибудь купить, что-нибудь вроде лимонада, или мороженое, или что-то в этом роде».

Так что я сказал: «Ну, ты будешь вести «Форд», а я буду покупать». Итак, я... я сунул эти сорок центов в свой карман. Итак, он... он... он взял... Он собирался вести «Форд». И мы взяли наш старенький «Форд» и подняли домкратом заднее колесо, знаете ли. А вы знаете, как раньше ты должен был его раскрутить и завести вручную? Ой-ой,

ой. Мы его завели и поехали по дороге и забрали наших девчонок.

Ну вот, я сидел на заднем сидении, знаете ли. И, Боже мой, я внимательно ее осмотрел, я думал: «Знаешь, может, они не все такие». Но... Я поменял свое мнение. Итак, она посмотрела, она сказала: «Сегодня прелестный вечерок, правда?»

Я сказал: «Да, мэм».

54 Итак, мы остановились в маленьком местечке, примерно за квартал от того места, где я живу прямо сейчас, небольшое старое местечко, называемое... такая штукавина, как маленькая старая закусочная «драйв-ин». Так что я сказал... Я... Джимми Пул и я, у нас, знаете ли, уже было все заготовлено, что мы собирались сказать. И я... я сказал: «Джимми, я вроде как хочу пить». И я сказал: «Как ты думаешь, может, нам остановиться?»

И он сказал: «Да». И таким образом мы остановились. Итак, он говорит, он сказал: «Я пойду возьму это». А у него не было даже десятицентовика, и его деньги были у меня, и я сказал: «Не беспокойся, Джимми. Подождите минутку, я пойду возьму это». Видите?

Итак, мы с ним идем. Бутерброд за... за пятицентовик, большой толстый бутерброд с копченой колбасой за пять центов, вы знаете, и взяли на него луку и все такое. Так что мы... мы возвращаемся. И знаете, у меня была кока-кола. И, о-о, были мы... мы были тогда большими людьми. Мы усаживаемся там и пьем эту кока-колу, знаете ли, и едим эти бутерброды с копченой колбасой, девочки и мы; мы, значит, болтаем.

И вот, потом я иду назад, чтобы вернуть бутылки от кока-колы, и примерно в это время эти девчонки стали строить из себя развитых, начали вести себя как самоуверенные нахалки: стали курить сигареты. Когда я пришел, к моему удивлению, моя маленькая королева курила сигарету. Ну, у меня всегда было свое мнение насчет женщины, которая курит сигарету, и я все еще его не изменил. Это — самая низменная вещь, которую она когда-либо делала. Так точно. Это так же скверно, как пьянство.

55 Давайте! Я вижу, как ваши лица становятся красными. Но позвольте мне вам кое-что сказать, позвольте мне сказать... Мама... Вам это будет полезно, это поможет вам. Так вот, не вставайте, я буду знать, и остальные будут знать, что вы виновны.

Послушайте, позвольте мне вам рассказать. Мама раньше говорила мне... Когда я был ребенком, у нас... мы... Знаете, чтобы у нас был жир, мы должны были прожаривать кожи от мяса на противне. И

Он сказал: «Я не знаю, где он».

И я сказал: «Спасибо, доктор». И я сказал: «Я... я буду... Позвольте мне вернуться к ней, — сказал я, — просто, чтобы быть с ней столько, сколько могу». Я сказал: «Я... я... я не буду малодушествовать».

117 И я нервно зашагал назад. Я смотрел на нее: эти милые черные глаза глубоко запали, и ее волосы, и ее лоб. О, я видел, что она уходила. Я посмотрел на нее, и я сказал: «Хоуп, любимая, ты... ты выглядишь хорошо».

И она сказала: «О, может быть, Бог помилует и позволит мне жить, Билл».

А я сказал: «Надеюсь, что Он помилует, любимая».

И таким образом, через несколько дней, я забрал ее оттуда, доставил ее в Джефферсонвилл, домой. А ей становилось все хуже и хуже, хуже и хуже. Эти двое детей начали поправляться, но ей становилось хуже. И после того...

118 Доктор Адэйр, он испробовал все, что мог. Он послал в Луисвилл, к специалисту по туберкулезу, привез его, а тот сказал: «Хорошо, если у вас есть аппарат для пневмоторакса». Я пошел и занял деньги и взял аппарат для пневмоторакса, и мы ее лечили. Вы знаете, что такое пневмоторакс, вы знаете, они сжимают легкое вот так. И я держал ее слабую руку, а эта штука зажимается вот так, они заливают это...?.. туда и выкачивают из легкого. Если бы я должен был делать это снова, я никогда не позволил бы ей так страдать.

И вот, пытались. Но они упорно трудились, чтобы спасти ей жизнь. В конце концов отвез ее в больницу на рентген. Вот это пришло: выяснилось, что туберкулезная пневмония перешла прямо на левое легкое. Он сказал: «У вас всего несколько дней, преподобный Бранхам. Вообще ничего нельзя сделать. Она умрет».

Я сказал: «Всемогущий Бог потребовал ее к ответу».

119 О-о, как я мог выдержать это? Как я мог верить? Как я мог делать это? Я смотрел туда, а там лежала моя маленькая Шарон Роуз, маленький грудной ребенок, около одиннадцати месяцев от роду. Здесь был маленький Билли Пол, примерно восемнадцати месяцев, маленький, крохотный паренек. И вот они, без матери, и я. О, что я мог сделать? Я просто не мог в это поверить. Я ходил взад-вперед, я плакал, я... я делал все. Вы... Я говорю тебе, брат, лучше слушайся Бога, когда Бог говорит тебе. Делай то, что Он говорит тебе.

И я ходил взад и вперед. Наконец настал этот час. Я был в

Глаза запали.

115 Я просто положил свои руки на нее. Она сказала: «Я знаю, что выгляжу ужасно, Билл».

Я сказал: «Милая, ты выглядишь хорошо».

Она сказала: «Так вот, не говори мне этого, милый».

Я сказал: «О, Боже, помилуй». Я сказал: «Где малыши?»

Она сказала: «Мама и остальные забрали их в соседнее здание».

Я сказал: «Билли жив?»

Сказала: «Да».

Я сказал: «Шарон жива?»

Сказала: «Да».

Я сказал: «О, благодарение Богу». Я сказал: «Я получил известие от мамы, и мама жива. Она в каком-то другом месте». Я сказал: «Я услышал по радио. Но я нигде не мог получить весточку от вас». И я сказал: «О, милая». И она сказала... Я сказал: «Ты...»

И я почувствовал, как кто-то похлопал меня по плечу, и я посмотрел вверх. Это был мужчина, который выглядел как очень умный человек. Он сказал: «Преподобный Бранхам?»

И я сказал: «Да, сэр». ...?... жест. И я пошел туда. Сказал: «Вы друг доктора Сэма Адэйра?»

И я сказал: «Да».

116 Он сказал: «Ваша жена, меня проинформировали, чтобы сказать вам... Я здесь доктор». Он сказал: «Меня проинформировали, чтобы сказать вам: у вашей жены скоротечный туберкулез. Ей осталось жить всего несколько дней». Сказал: «Она умрет».

Сказал: «Нет, доктор. Нет... нет, это не так».

Он сказал: «О, да. Это так, преподобный Бранхам. Это так».

«Ох, — я сказал, — этого не может быть, доктор. Вы имеете в виду, что она...»

Он сказал: «Да». И сказал: «Вам очень сильно повезет, если ваши дети выкарабкаются». Сказал: «Я присматриваю за детьми тоже».

И я сказал: «О, Боже, пощади».

Он сказал: «Так, перед ней не теряйте самообладания».

Я сказал: «Хорошо, сэр. Хорошо». Я сказал: «Большое спасибо. Где доктор Сэм?»

мы должны были принимать много лекарства, и каждую субботу вечером ванна в старой кедровой бадье, и мы зажимали носы и пили касторовое масло: каждую субботу вечером. Теперь я даже не могу выдержать мысли об этом.

И я имел обыкновение зажимать свой нос и рот, я говорил: «О, мамочка, пожалуйста, нет! Пожалуйста, не делай этого! Пожалуйста, не делай этого! Эта большая противная ложка с этой дрянью, которая на вид такая жирная. О, мамочка! Пожалуйста, не делай этого, меня от этого так тошнит».

56 Она говорила: «Если это не вызовет у тебя тошноту, то и проку тебе от него не будет». Может, также и вам это несколько поможет, принесет большую пользу и вызовет тошноту, и тогда вы прекратите это. Правильно. Ладно. Она сказала...

И я... я помню, вот сидит моя маленькая девочка, сидит там, покуривая сигарету. О, Боже! Я как бы... Она, безусловно, упала в моих глазах. Я сказал... Так вот, она сказала... Стала выдувать дым вот так, знаете ли. А я думал: «Если бы благой Господь хотел, чтобы ты курила, Он вставил бы в тебя дымовую трубу». Видите? И я посмотрел на нее вот так, угу.

Смотрю вперед, вот здесь девочка Джима, сидит там и делает то же самое. Ну, курил и сам Джим. Итак, я озирался вокруг.

Она сказала: «Не... не угодно ли сигаретку, Билли?»

Я сказал: «Нет, мэм, благодарю. Я не курю».

Она сказала: «Ты не куришь?» Сказала: «Так вот, ты только что сообщил мне, что ты не танцуешь».

Я сказал: «Нет, мэм».

Сказала: «Вот... вот, ты не куришь?»

«Нет».

И она сказала: «Ну, что же ты любишь делать?»

Я сказал: «Мне нравится ловить рыбу. Мне нравится охотиться». Это ее не интересовало.

Так что она... она сказала: «Ну, ты большая баба».

57 Баба? Мой папа называл меня так однажды, потому что я не глотнул виски. А я хотел было, но Нечто не позволило мне. Вот, я... я сказал: «Что-что?»

И она сказала: «Ты большая баба».

И я сказал: «Дай мне сигареты».

И я взял эту сигарету, намереваясь закурить так же определенно, как определенно я должен закончить проповедовать на этом служении сегодня днем. Я взял ее в руку, вот так трясясь. Я сказал: «Дай мне... что к этому нужно». И... и значит, она дает мне вещь, которой вы зажигаете это. И я беру все это вот таким образом, и я начинаю подносить к губам, вот так дрожа, и я услышал, как Нечто прозвучало: «Вью-у-у». И я остановился, и я озирался, я подумал: «Так, это было неправильно?»

Она сказала: «В чем дело?»

Я сказал: «Ничего, ничего». Я сказал: «Я... я... я просто пытаюсь прикурить». И я... я снова начал подносить ее к губам.

Вы слышали, как в один из вечеров я рассказал свою историю, как там, в кусте, был этот вихрь. Там это повторилось снова: «Вью-у-у». Я уронил сигарету, я начал плакать.

Она сказала: «Теперь уж я знаю, что ты баба».

58 Я был... Захлопнул эту маленькую старую жестяную дверку «Форда» и пустился по дороге, рыдая. Джим выехал передо мной, сказал: «Давай залезай, Билл». Я сказал: «Нет, нет».

Я пошел по дороге, она сказала: «Ой, Билли, — сказала она, — ты большая-пребольшая баба, вот ты кто». Сказала: «Я думала, ты мужчина».

Я сказал: «Я тоже думал, что я мужчина». И я просто шел по дороге вот так, шагал.

Я пошел напрямик через поля, поднялся туда и сел на поле, и я сказал: «О, если бы я мог как-нибудь умереть здесь. Я никому не нужен. Я ни для кого не гожусь». Я сказал: «И мальчишки, им всем нравится ходить на танцы и эстрадные представления, а девушкам нравится курить сигареты, и вот здесь я — раб обстоятельств. Что... что я... что толку мне от жизни? Для чего я живу?» И я сидел там, в том поле, и плакал почти до рассвета. Внизу...

59 Я должен поторопиться, чтобы уйти отсюда вовремя, как вам обещал, просто буду пропускать важные случаи.

Думаю, что вы задаетесь вопросом, как же я вообще женился, если я был такой застенчивый, робкий. Я...

Наконец я встретил девушку, которая стала матерью моего мальчика. Если когда-либо существовал ангел, то это была она. Я до сих пор люблю ее. Она была прекрасной девушкой. Я встретил ее, когда она шла в церковь. Я посмотрел на нее: в ней было что-то, что отличало ее от кого-то еще. Я ничего не знал о христианстве, мне было

чтобы сделать что-нибудь, не позволяй никому стоять на твоём пути. На первом месте держи Бога.

И я попытался найти... Я не мог найти путь, достал свою моторную лодку и попытался попасть в... по направлению к Чарльзтауну. Я не мог даже лечь на воду; водоворот ставил меня вертикально. А я-то думал, что был довольно хорошим лодочником. И я пробовал раз за разом (уже почти рассвело), вообще безуспешно. Это было напрасно.

Затем я был на участке земли, обнаружил в то время, что сижу на небольшом островке. В течение трех или четырех дней я сидел там один, там, куда они должны были сбрасывать мне что-нибудь из еды. У меня было долгое время, чтобы обдумать, было ли это кучкой отбросов или нет, слушаться ли какую-то женщину или слушаться того, что сказал Бог. Неважно, кто это, ты слушай то, что должен сказать Бог.

113 Ну и вот, через некоторое время, после того как я пересек воду, она достаточно опустилась, я пошел, чтобы увидеть, где была моя жена. Они мне сказали, что она была в Чарльзтауне. Добрался туда, ее там не было. И пожилой полковник Хей, он только недавно ушел во славу, он обнял меня, сказал: «Пойдем к железнодорожной станции». Когда я пошел туда, убитый горем, я плакал, я не знал, что делать. О, Боже, я думал: «Малыши, вероятно, лежат, дрейфуют куда-то туда в какой-нибудь куче кустов. Жена, возможно, лежит там тоже». О, как я плакал, и умолял, и раскаивался, и говорил Богу.

Послушайте, друзья. Я верю, что если бы я пошел прямо тогда, когда я связался с той группой людей, которые верили в сверхъестественное, то Ангел Божий пришел бы ко мне и открыл бы эту вещь, и из-за этого во славе было бы в тысячи и тысячи раз больше людей. Понимаете, вот почему я иду день и ночь и никогда не беспокоюсь, вкладывая все свои силы, потому что я должен возвернуть, искупить то время, я должен это сделать.

114 И вот когда я... Наконец кто-то приехал и забрал меня, сказал: «Нет, они не утонули. Билли, я знаю, где они. Они находятся в Коламбусе, Индиана, в Баптистской церкви». И я... Они доставили меня туда, и той ночью я побежал через этот зал, крича изо всех сил. Мне было все равно, кто слышал меня. «Хоуп, Хоуп, где ты, дорогая?» Бежал там через...

И все беженцы были там на маленьких старых детских кроватках и на подвешенных одеялах. И случайно я посмотрел в конец и заметил костлявую руку, поднятую вот так. Я помчался как мог, на мне была пара сапог, упал и отбросил шляпу, посмотрел туда, а там, умирая, лежала моя возлюбленная. Ее рука поднялась. Ее челюсть ввалилась назад. Прошло около трех недель или больше, прежде чем я ее нашел.

меня больная жена и двое младенцев, которые лежат там, в госпитале». Я сказал: «Пожалуйста, дорогой Бог, запусти этот двигатель».

И я смог поразмышлять: «Я никогда не позволю своей девочке пойти с кучкой этих отбросов». И я говорю это со всем должным уважением к каждой церкви. Я выясняю, что то, что она назвала отбросами — это сливки общества. Это совершенно справедливо. Это совершенно справедливо.

110 И я натянул цепь на двигатель, а водопад ревел и ревел у меня в ушах. И я дернул снова, и я... Через несколько минут он завелся. И я должен был держать прямо против течения и дал полный газ, насколько только было возможно. Наконец я причалил почти возле Нью-Олбани, просто кружась по краю этого водопада.

Я возвратился и побежал в госпиталь, чтобы посмотреть, где была моя жена, а наводнение унесло его, он был разрушен. Теперь, где была моя жена, где были мои малыши? Мокрый и холодный, я побежал туда. И я встретил майора Викли. Я был бы просто...

Брат Райан только что куда-то уехал. Я не знаю, куда он поехал. Я думаю, что вы поехали с братом Джорджем и остальными. И я встретил брата Джорджа. Я видел его последний раз в жизни, он обнял меня, сказал: «Брат Билли, от всего сердца...» А он был обращенный медиум. И он сказал: «От всего сердца я люблю Иисуса Христа, и если я никогда не увижу тебя снова, я увижу тебя в то утро».

Я сказал: «Бог да благословит тебя, Джордж», когда он так говорил. Он тогда пытался найти где-нибудь брата Райана, потому что он был в городе.

111 А потом я пытался найти Хоуп. Я не мог найти ее. Кто-то из них сказал: «Нет, из той группы никто не утонул». Сказал: «Они все погрузились в поезд и поехали в Чарльзтаун». Ну, я прыгнул в свою машину и отправился в Чарльзтаун. Когда я поехал, тот приток там, позади, отрезал те места приблизительно пятью милями сплошной воды. Кое-кто из них сказал: «Нет, — сказал, — на полпути поезд потерпел крушение и был смыт с эстакады. Они все ушли под воду с той эстакады». Они ехали в вагоне для перевозки скота.

Моя жена; ее отец — один из начальников там, на железной дороге, и [Пустое место на пленке — ред.] его дочь с двусторонней пневмонией и два младенца с пневмонией лежат в вагоне для перевозки скота. И ветер куда-то нес мокрый снег и дождь по дороге, а она была размыта водой.

112 Я говорю тебе, брат, это полная чаша. Когда Бог призывает тебя,

уже около двадцати одного года. Я смотрел на нее, она, казалось, была леди до последней капли, то, как она держалась, и уважительное отношение, которое у нее было. Она шла в Баптистскую церковь.

И я... я познакомился с нею и начал ходить с нею. И я был... Вроде как устроился на работу на предприятие коммунального обслуживания Индианы. А я... я заработал немного больше денег, и я купил себе старый автомобиль, и я подумал: «Так, это реальная возможность».

60 Но ее отец был президентом профсоюза железнодорожников Пенсильвании. Здесь многие из вас, железнодорожников, могли бы знать его, Чарли Брумбах, только недавно отошел во славу. И очень... У него была хорошая работа. И он зарабатывал примерно пятьсот долларов в месяц. Я зарабатывал примерно двадцать центов в час, копая канавы. И мне сочетаться с такой девушкой, как эта? Я думал: «Ой-ой, что-то здесь не так».

Таким образом, я дружил с ней некоторое время, и я замечал, что она была леди во всем. И я знал, что теперь я должен был сделать свой выбор. Я...не мог позволить... отнимать время у этой девушки, для этого я любил ее слишком сильно. Поэтому я не мог отнимать ее время для себя, потому что... было бы неверно... вот так испортить ей жизнь. Это... Я думал достаточно много о ней, если я...

61 Я был беден, и в то время у меня не было никакого папы и все такое, и десять детей, о которых надо было заботиться, и... Папа оставил ее с девятью, со мной десять. И я думал: «Как, как тогда я... я вообще буду в состоянии помочь кому-нибудь такому?» И я думал: «Я должен принять решение. Я... я должен или попросить, чтобы она... на ней жениться, или я должен позволить ей уйти и дать возможность какому-нибудь хорошему парню взяться за это, и она будет с ним встречаться, и он женится на ней и создаст ей хорошую семью и все такое, и она будет счастлива...»

А в то время я начал учиться. И я только... В то время как я с нею встречался, я пришел ко Христу, и нашел Его как своего Спасителя, и учился на служителя в Баптистской церкви. Тогда, немного... старый... Время шло, и потом я получил назначение как местный пресвитер, увещатель: им тогда принадлежала моя лицензия служителя. И я думал: «Быть может, если, в общем, я пойду проповедовать, смогу бы я обеспечить ее существование?»

62 Итак, однажды я подумал: «Я... я думаю...» Принял решение, я собирался спросить ее, если она... [Пустое место на пленке — ред.] как я собирался это сделать. Это оказалось большой проблемой: как я собирался попросить ее, чтобы она вышла за меня замуж. Так что я сказал: «Ну, я спрошу ее сегодня вечером».

Ну вот, я приеду, знаете ли, и я заведу разговор, а когда я перейду прямо к сему трудному вопросу, я... я просто потеряю присутствие духа. Я не мог сделать этого. Я не мог просить ее выйти за меня замуж, здесь слишком много обстоятельств. И я сказал... Поэтому я подумал: «Ну как, в конце концов, я вообще дам... дам ей об этом знать? Может, я мог бы попросить кого-нибудь еще, чтобы спросил ее, выйдет ли она замуж за меня?» Вы видите? Я думал: «Поистине, это не будет правильным. На их условиях она может мне отказать».

63 Поэтому знаете, как я это сделал? Я написал ей письмо и спросил, пойдет ли она. Так что я написал письмо. И вот, это не было: «Дорогая мисс...» знаете ли, оно было немного шире, чем это. Это не было деловое письмо, хотя по-своему и было. Но я написал и рассказал ей, как много я думаю о ней, и спросил ее, если... если бы она... вышла бы за меня замуж.

И затем я думал, что я просто вручу его ей как-нибудь вечером. И я подумал: «Нет, думаю, что я отправлю его по почте». Поэтому я сам наклеил марку на него, и я шел на работу, и я бросил его в почтовый ящик. Я должен был встретиться с нею в среду, а это было в понедельник утром. Таким образом, я написал письмо и положил в почтовый ящик, продолжал работать.

64 И всю ту неделю я ждал следующей среды, чтобы пойти и встретиться с моей подругой. Мы шли в церковь. Итак, тем вечером, я помню, когда я двинулся туда, где жили ее родители... Они там жили в прекрасном большом доме. И я думал: «А я живу здесь. О, Боже!» И я думал... Ну вот, я... я поехал вперед. И я думал...

Я был не настолько глуп, чтобы сигналить. Я... я знаю, ее мать и папа, оба не поддержали бы меня. И думаю, совершенно справедливо. Это недостойно для вас, парни, нажимать на клаксон автомобиля, чтобы девушка вышла. Если ты не заботаешься о ней достаточно для того, чтобы зайти и поговорить с нею, и развеселить ее, и поговорить с ее матерью и папой, так или иначе ты не... ты не должен быть с ней. Так точно. Иди, будь мужчиной.

Итак, я подошел к двери, и я думал: «Сегодня вечером я останусь снаружи». И я, так случилось, задумался.

65 Так вот, ее отец был... он... он был одним из самых прекрасных мужчин, и ее мать — хорошая женщина. И я не очень уверен, но сегодня днем она могла бы сидеть здесь. Понимаете? Мы живем недалеко отсюда. И если я сейчас говорю что-то не так, госпожа Брумбах, я не хочу задевать ваше самолюбие, но я просто хочу рассказать правду об этом. Вы понимаете? Так, если...

А они все сказали: «О, Билли, ты просто думаешь...»

Я сказал: «Та же самая вещь, которая произошла тогда, об этом наводнении, — сказал я, — это та же самая вещь, которая говорит мне о моей жене». Я сказал: «Я не верю, что она поднимется с постели».

Сказал: «Ох, я думаю, что это твоя жена, и ты просто... это то, что ты чувствуешь насчет этого». Но, о-о, Боже, немного позже, я никогда не забуду, как это было. О, это продолжалось недолго, ей становилось все хуже, хуже.

107 Наконец случилось наводнение, и я был там в спасательном отряде. У меня была скоростная моторная лодка, я пытался вывезти людей. И я помню одну из ночей, они забрали... они доставили ее в больницу, потом положили ее здесь в... дали ей место в правительственном госпитале. И она и оба ребеночка были больны, ужасно больны.

И я никогда не забуду ту роковую ночь, когда там обрушилась защитная дамба. Позади я услышал пронзительный крик на улице Честер. И у меня была скоростная моторная лодка, и я добрался туда и попытался забрать оттуда одну мать. Прямо когда я забирал ее, она упала в обморок. Я подхватил ее на руки и положил в лодку около одиннадцати часов, посадил туда детей. И когда я доставил ее на берег, она начала кричать: «Мой малыш! Мой малыш!» У нее там был ребенок около двух лет от роду, и я подумал, что она имеет в виду, что в том месте у нее остался еще другой маленький ребенок. И я направился назад, чтобы попытаться забрать ребенка.

108 Я привязал свою лодку сбоку к столбу на веранде, и когда я поднялся в комнату, чтобы попытаться найти ребенка, я услышал, как дом стал оседать, и я ринулся вниз очень быстро, как раз вовремя, чтобы прыгнуть в воду и ухватиться за край моей лодки, и притянул... А было ниже нуля, шел ледяной дождь и снег.

И я потянул веревку вот так и залез в лодку. Волны схватили ее и унесли меня на середину потока, в реку. И я перешел назад туда, и я не мог завести свою лодку, старая цепь, она надевается на подвесной мотор, вы... вы, кто постарше, знаете, где вы раскручиваете его верхушку. И я дергал и дергал, и я не мог завести лодку. А там был водопад реки Огайо, ревущий как раз ниже меня. О, брат, путь преступника тяжел. Никогда не думай, что это не так.

109 И я дернул, а он не завелся. И я дернул снова, и не завелся. И я пытался, и меня в лодке сносило вниз. Я сказал: «Боже, еще всего лишь несколько перекатов, и я погружусь ниже этого водопада». Где он ревет и пузырится, мили простирающейся там воды. Я сказал: «У

103 Я хотел назвать ее библейским именем. И так, я не мог назвать ее Роза Шаронская, поэтому я назвал ее Шарон Роуз, и я... я назвал ее так. Она была дорогой любимой малюткой. И знаете, первое, что произошло, пришло наводнение. Она лежала там с пневмонией.

И пришел наш доктор, доктор Сэм Адейр. И он для меня как брат. Он посмотрел на нее, сказал: «Билл, она серьезно больна». Сказал: «Не ложись спать». Прямо под Рождество... Он сказал: «Сегодня ночью не ложись спать. Всю ночь давай ей апельсиновый сок. Сегодня ночью заставь ее выпить как минимум два галлона, чтобы переломить эту лихорадку. У нее жар, температура сто пять». И сказал: «Ты должен немедленно сбить эту лихорадку».

104 Я сказал: «Хорошо». И я устроился и давал ей апельсиновый сок всю ночь. Следующим утром лихорадка была немного меньше.

Подошла ее... ее мать. А доктор Адейр ей просто вообще не нравился. Ей нравился другой доктор, там, в городе. И она сказала: «Я собираюсь забрать ее домой. Этот дом не... плохо обогревается и недостаточно утеплен для нее, чтобы ей здесь оставаться».

Я сказал: «Ну, я лучше спрошу доктора Адейра, должны ли мы ее перевозить».

Она сказала: «Он вообще ничего не соображает». Она сказала: «Я не буду у него ничего спрашивать». Сказала: «Я найду доктора, доктора...»

Я сказал: «Но послушайте, мы не должны... мы... мы не...»

105 И я вызвал доктора Адейра. Он сказал: «Билл, не перевозите ее». Сказал: «Если сделаешь, это убьет ее». Сказал: «Ты вынесешь ее на этот холод, прямо сейчас погода — ниже нуля, как раз здесь, и поменяешь ей место жительства, — сказал, — не делай этого». Но конечно, так это и было.

И я вызвал его. Я сказал: «Так или иначе она собирается это сделать».

Он сказал: «Тогда я откажусь лечить эту пациентку, Билл. Я люблю тебя как... как брата, ты это знаешь, но я должен буду оставить эту больную и передать ее доктору...?»

И я сказал: «Ну... Я... Доктор, ты знаешь мое отношение». Я сказал: «Я...»

106 И так, я пошел туда и встал на колени и молился. Я пошел в церковь. Когда я начал молиться, было похоже на то, как будто черное покрывало опустилось передо мной. Я пошел, я сказал: «Не думаю, что она когда-нибудь поднимется с постели».

Так что я помню, что мы были... мы были... Я поднялся на крыльцо.

Ее мать, в то время... Теперь я ей нравлюсь, но я был ей не слишком нужен. И она была воспитана в одной из тех светских церквей, знаете ли, где встают: «Угу», славословие и, о-о, Боже! Вы знаете все, что там происходит. Ну, просто это было слегка чересчур, я такого не понимал. И так, я... Полагаю, она думала, что я был просто немного ограничен.

66 И так, тогда я думал, так случилось, впал в размышления: «Что... (прежде чем добрался до дома) что, если ее мать случайно завладела этим письмом и прочитала его, что тогда случится?» О, Боже. И знаете, дьявол тут как тут, чтобы заставить меня думать, что она завладела письмом. Поэтому я сказал: «О, что я буду делать, если... если... если она завладела письмом?» Хм.

Я думал: «Ты знаешь, что самое лучшее, что я могу сделать? Сегодня вечером, вместо того чтобы звонить в дверной звонок, я думаю, что я постучу в дверь и просто оставлю мой «Форд» стоять с открытой дверкой (видите?), потому что я собираюсь сбежать оттуда».

И я просто услышал, как она говорит: «Уильям Бранхам...» Брат, папа, который был замечательным немцем. И вот я... я подошел к двери, и я постучал в дверь, и, знаете, первым делом, вот к двери подходит Хоуп. Ее имя было Хоуп. И вот я... Она подходит к двери, она говорит: «При... привет, Билли».

И я сказал: «Добрый вечер».

Она сказала: «Не желаешь войти?»

Я думал: «Ох-ох, она приведет меня туда, где теперь твоя мать, и вы обе читаете это письмо. Нет».

Я сказал: «Благодарю. Очень тепло, — сказал я, — я только постою на крыльце».

67 Она сказала: «О, входи, — сказала, — мать и папа хотят тебя видеть». И, о, Боже. Я знал тогда, что это было. Я подумал: «Вот оно».

«Разве ты не зайдешь?»

И я сказал: «Да, хм-м». Я думал: «О, Боже, я знаю, теперь кончено». Так что я сказал: «Благодарю».

Я вошел, снял свою шляпу и встал возле двери. Она сказала: «Пройди на кухню, мать и папа там, — сказала, — я буду готова как раз через несколько минут».

И я подумал: «О...» Я вошел, я сказал: «Здравствуйте, господин Брумбах. Здравствуйте, госпожа Брумбах».

Сказали: «Привет, Билли. Не желаешь ли войти и выпить стаканчик чая со льдом?»

Я сказал: «Благодарю, — я сказал, — я буду... я посижу здесь, если не возражаете».

«Нет, войди и присядь».

68 Я подумал: «О, Боже!» Мое сердце просто прыгало что было сил. Потом через несколько минут я... я начал понимать. Они ни разу не упоминали об этом, они говорили о чем-то другом. Я думал: «Она вообще не получила письма. Все в порядке». Ну, тогда я подумал...

Так вот, следующее, нам следовало бы попасть в церковь. И вот, в тот вечер Хоуп сказала: «Давай поедem в церковь».

И я сказал: «Ага, ага».

Итак, в тот вечер мы пошли в церковь и вошли внутрь. Я не услышал ничего, что говорил доктор Дэвис. Он отпроповедовал хорошую проповедь, но я сидел там, задаваясь вопросом. Я думал: «Эй, парень, она получила письмо. Вот почему она хотела, чтобы я пошел, потому что она собирается сказать мне, что это мой последний вечер. (Видите?) Я это знаю». И я сидел там, глядя на нее. Я думал: «О, я очень не хочу отказываться от нее. Ой-ой, однако же, полагаю, она права, потому что я не смог бы... я не смог бы обеспечить ей жизнь, как может ее папа, и вот такие-то дела». И я сказал: «Она получила письмо».

69 И, о Боже! Я не слышал ничего, о чем говорил проповедник. Я просто сидел там, задаваясь вопросом. И, о-о, я смотрел на нее, а она выглядела более красивой, чем была когда-либо, и я знал, что она была леди во всех отношениях. И я думал: «Женщина, которая... Она не курит, она не ходит на танцы, она не имеет... Она не говорит никаких плохих слов. Она просто... она просто ангел». И я думал: «Боже! Вот она такая, но я... я думаю, теперь все кончено».

Итак, когда служба закончилась, я, значит, отправился домой, зашагал, пошла и она. И я ждал, когда мы пройдем под деревьями, и лунный свет лился на ее черные волосы и карие глаза. Я думал: «О-о, Боже, разве она не прекрасна?» Шли вперед. Я думал...

Ну вот, мы понемногу начали приближаться к дому, и я стал храбрым. Я думал: «Письмо застряло в ящике, никто из них его не получил». Понимаете? Я, знаете, почувствовал себя просто довольно хорошо. Я сказал: «Никто не получил письмо, так что со мной все в порядке. Слушай...» — и продолжал в таком духе.

70 А она говорила, знаете. И я протянул руку и взял ее за руку,

на крылечке. Она сказала: «Уильям, я хочу, чтобы ты понял: я никогда не дам своей дочери разрешение пойти с кучкой святых роликов, такой, как эта». О, Боже. Она сказала: «Это кучка отбросов...» Сказала: «У нее никогда не будет приличной одежды, чтобы прикрыть наготу».

Я сказал: «Хорошо, госпожа Брумбах, это не вопрос одежды, — сказал я, — все дело вот в чем: я чувствую, что Бог хочет, чтобы я сделал это».

101 И она сказала: «Послушай, почему бы тебе не пойти в церковь, куда к тебе приходит паства, и подумать о получении должности пастора и домика, куда взять свою жену и ребенка, вместо того чтобы утаскивать ее. Сегодня у нее есть что поесть, а завтра у нее не будет ничего, и все такое». Она сказала: «Действительно, ни в коем случае я не разрешу своей дочери так сделать. А если она все же поедет, то ее мать уйдет в могилу с разбитым сердцем».

И Хоуп сказала: «Мама, ты имеешь это в виду?»

И она сказала: «Это именно то, что я имею в виду». Это решило вопрос.

Хоуп стала плакать. Я обнял ее и пошел прочь. Я сказал: «Но, госпожа Брумбах, она моя жена».

Она сказала: «Однако же она — моя дочь».

Сказал: «Да, госпожа».

102 Я ушел, потерпел неудачу. Она посмотрела на меня, Хоуп посмотрела. Она сказала: «Билл, это моя мать, но я поеду с тобой». Видите? Я сказал... Бог да благословит ее сердечко. Она сказала: «Я пойду с тобой».

И я сказал: «Дорогая, я...» Я сказал: «Я думаю, что веду двойную игру». Но я сказал: «Я не хочу оскорблять ее чувств». Она сказала... Я сказал: «Что, если бы с ней что-нибудь случилось? И тогда ты переживала бы всю свою жизнь: ты... ты разбила сердце своей матери». Я сказал: «Может, мы просто отложим это на некоторое время».

И, друзья, там я сделал самый худший шаг, который я когда-либо делал в жизни, прямо там. Мы отложили это. После этого, примерно через несколько недель, началось. Наводнение пришло позже. И первая вещь, знаете, жена заболела. Билли заболел в то время, когда была допущена эта ошибка. Сразу после этого маленькая девочка... Только одиннадцать месяцев между Билли и его маленькой... его маленькой сестренкой, которой была Шарон Роуз...

возлюбленный, смотри. Все эти люди просили меня, целая очередь, через Техас, Луизиану и повсюду, чтобы приехал проповедовать им. Видишь?» Я сказал: «Там, под вишневым деревом, я молился всю ночь, и Бог сказал мне...»

Сказала: «Какой... а каким образом они себя ведут?»

Я сказал: «Ох, не спрашивай меня». Я сказал: «Они ведут себя по-разному».

И вот она сказала: «О, Боже». Сказала... Она сказала...

Я сказал: «И они попросили, чтобы я поехал. Я собираюсь оставить мою работу и начать проповедовать прямо с ними, собираюсь оставить свою церковь».

Она сказала: «Ну...»

Я сказал: «Ты поедешь со мной?»

99 Бог да благословит ее сердечко. Она сказала: «Я обещаю пойти с тобой куда угодно, и я пойду туда, куда пойдешь ты». Это настоящая жена. Сегодня она в могиле, но тем не менее я рад, что могу сказать это, и ее сын, ее и мой сын, стоит и слушает. Его мать была королевой.

И я... я сказал: «Хорошо, смотри, — сказал я, — мы...» Я сказал: «Скажем нашим родителям».

Я пошел и сказал маме, я сказал: «Мама, послушай». И я рассказал ей о тех людях.

Она сказала: «Ты знаешь что?» Она сказала: «Билли, давным-давно, там, в Кентукки, у нас было то, что они все называли старой Баптистской церковью Одинокой Звезды». И сказала: «И у них было такое, что они кричали и вопияли и вот так себя вели». Она сказала: «Это настоящая религия, идущая из сердца».

Я сказал: «Это то, чему я верил всю свою жизнь». И я сказал: «Ты должна их увидеть».

Она сказала: «Хорошо... Я верю, что Бог благословит тебя, Билл».

И я сказал: «Прекрасно». Итак, потом мы пошли, чтобы сказать ее матери.

100 А к тому времени ее мать и отец разошлись. И я сказал... Мы пошли, чтобы сказать ее матери. И я сказал: «Госпожа... госпожа Брумбах, — сказал я, — я... я нашел замечательных людей», таким образом.

А она, знаете, сидела на веранде. Теперь не сердитесь на меня, если вы здесь. Таким образом, она сказала... Обмахиваясь, она сидела

знаете, когда мы шли. О, Боже! И я думал: «Я... у меня будет небольшая передышка. Это письмо, я надеюсь, оно действительно застряло, и ничего не произошло». И я окончательно решил тогда, что, если бы она что-нибудь об этом знала, она бы точно сказала об этом что-нибудь.

Таким образом, мы подошли достаточно близко к дому, она прямо посмотрела на меня, она сказала: «Билли?»

И я сказал: «Да».

Она сказала: «Я... я получила твое письмо».

О, я почувствовал, как что-то поднялось и упало, вы понимаете, я подумал... Я сказал: «Ты получила?»

Она сказала: «Угу». Просто продолжала идти, не говоря ни слова.

Я думал: «О, женщина, скажи же что-нибудь, пока я не упал в обморок. Скажи же теперь что-нибудь. Я... я... я не могу выдержать так все время». Мы подошли слишком близко к дому. Она не говорила ни слова. Я думал: «Ну, я... Скажи же что-нибудь».

71 Она только... Вы знаете, как женщина может истомить тебя. Извините меня. Нет-нет, я не имею в виду... я имею в виду, вы знаете, что я имею в виду. Итак, не говоря ни слова, просто шли, вы знаете, глядя на луну и звезды. О, Боже, такая неопределенность, и я сказал: «Ты прочитала его?»

Она сказала: «Угу», продолжая идти. Это было все, чего я мог от нее добиться.

Ну, я думал: «Ой-ой, а теперь что?» Я сказал: «Ты поняла это?»

Она сказала: «Угу». «Угу» — это было все, чего я мог от нее добиться, только «угу».

Ну вот, мы поженились. Вот вам, пожалуйста. Мы... мы поженились.

И я никогда не забуду, она спросила меня как раз перед тем, как мы... когда мы были... прежде чем я купил ей кольцо. И я помню, я заплатил восемь долларов за набор.

72 И вот, все же я был очень счастлив от этого. Ой, я помню, как мы поехали под те деревья, и я надел обручальное кольцо ей на палец. Как я был счастлив! А другое было у меня в кармане, и я сам его положил в большой футляр с защелкой, чтобы оно не могло выпасть. Прямо там я владел ею, той единственной, она должна была стать моей!

Таким образом, я, значит, продолжал, и она сказала: «Билли».

Прежде чем я надел кольцо ей на палец, она сказала: «Разве ты не думаешь, что это было бы все-таки по-джентльменски, если ты согласишься папу и мать?»

Я подумал: «О Боже! Вот опять». И она сказала... Я сказал: «Да». Я сказал: «Послушай, Хоуп, я хочу тебе что-то сказать». Я сказал: «Теперь, когда мы поженимся, все должно всегда быть поровну, не так ли?»

Она сказала: «Верно». Она сказала: «Я буду соблюдать свою часть».

Я сказал: «Я буду соблюдать свою». Я сказал: «Давай начнем теперь. Понимаешь?»

Она сказала: «Что ты имеешь в виду?»

Я сказал: «Ты согласишься свою мать, а я спрошу твоего папу». Я смог бы управиться с ее папой, но насчет ее матери я не знал.

Она сказала: «Хорошо. Ладно».

И я сказал: «Ну, послушай, — сказал я, — может, ты дашь мне спросить сначала твоего папу?» Потому что я знал, если ее папа даст разрешение, обручение у меня почти что будет (понимаете?), и я мог бы придерживаться этого.

Итак, я помню, как она сказала: «Хорошо, лучше спроси его сегодня вечером».

И я думал: «О, как-то быстро, но, думаю, так лучше».

73 Так что тем вечером мы вошли, а он сидел за своим столом, что-то печатал. И я там уселся. А она кивала мне головой, вы знаете. Понимаете, было девять часов, время... В девять часов я должен был идти домой. И я подумал: «Уже поздно». Поэтому я встал, и я двинулся к двери, и она как бы удивленно посмотрела на меня: почему я не спрашиваю ее папу?

[Брат Бранхам вздыхает — ред.] Я сделал вот так, и она поняла, что я имею в виду. А ее мать сидела там, писала или делала что-то. Я подумал: «О, Боже! Я не могу спросить его прямо здесь, это означает спросить их обоих. Тогда они решат это прямо здесь, и они... я просто... меня оставят холостым».

74 Так что я пошел к двери, и она пошла к двери вместе со мной. И... и я сказал: «Я появлюсь в среду, чтобы поехать в церковь?»

И она сказала: «Угу», — и она просто продолжала сжимать мне руку.

И она показала на своего папу. Я сказал: «О, я не мог этого

сказал: «Скажи, ты евангелист?»

Я сказал: «Да, сэр».

Он сказал: «Как насчет того, чтобы посетить Техас и провести у меня пробуждение?»

Я сказал: «Вы проповедник?»

Сказал: «Конечно». Я смотрел на эти большие сапоги на высоких каблуках и на эту большую-пребольшую ковбойскую шляпу, я думал: «Может, это и не имеет никакого значения, как...»

96 Следующее, подходит приятель, имел на себе вот такие маленькие брючки для гольфа. Он сказал: «Послушай, — сказал, — я из Флориды». Он сказал: «У меня так много святых там, в церкви», или еще где-то. Сказал: «Я хотел бы, чтобы ты провел...»

Я сказал: «Вы проповедник?»

Он сказал: «Да, сэр».

Я подумал: «Ну, в конце концов, здесь мои полосатые брюки и футболка не так уж и неуместны». Именно таким образом я начал смотреть на это. А у нас были церковный пиджак и воротничок и все такое, что они носили, вы знаете. Так что они... Я подумал: «Ну, все в порядке».

97 А потом подошла женщина откуда-то оттуда, из северной части Мичигана. Она была с индейцами. Она сказала: «Я просто знаю... в то время как вы проповедовали, Господь сказал мне, что вы должны приехать и помочь мне там с индейцами».

Я сказал: «Минутку. Позвольте мне взять листок бумаги». И я начал записывать эти имена и адреса. И, ох, список их у меня был вот такой длины, хватило бы мне на год. Боже, я был счастлив! Я пошел оттуда, вскочил в свой старенький «Форд», и по дороге мы покатали в Джефферсонвилл так быстро, как могли ехать — шестьдесят миль в час: тридцать сюда, и тридцать вверх-вниз туда, он просто несея всюду, летел по дороге, как мог, чтобы попасть в Джефферсонвилл.

Я выпрыгнул из автомобиля, когда моя жена, как всегда, она шла, бежала, чтобы меня встретить. И она сказала: «Отчего ты такой счастливый?»

Я сказал: «Милая, ты просто не понимаешь». Я сказал: «Я встретил самых счастливых людей в мире».

Она сказала: «Хорошо, где же они?»

98 Я ей рассказал все о них. И я сказал: «Послушай. Позволь мне тебе кое-что показать. Ты и не поверишь, что этот проповедник — твой

Он сказал: «Выходи туда, товарищ».

92 И я сказал: «Нет... нет... нет... нет, послушай, послушай!» Я сказал: «Я хочу тебе что-то сказать». Я сказал: «Я... я... на мне эти полосатые штаны и эта футболка, — сказал я, — я не хочу туда подниматься».

Сказал: «Парень, этим людям все равно, как ты одет. Поднимайся туда».

А я сказал: «Нет... нет, спасибо, сэр».

И кто-то сказал: «Кто-нибудь, в конце концов, нашел преподобного Бранхама?»

Он сказал: «Он здесь! Он здесь! Он здесь!»

93 О, Боже! Я, значит, встал, уши были красными. И моя Библия была у меня под рукой, и я пошел к платформе, вид у меня был, знаете, какой-то робкий, я был испуган до смерти. Я подходил, я думал: «О, Боже, прошлой ночью я молился всю ночь, чтобы даровал мне их расположение, теперь Бог позволяет мне встать перед ними. Тогда, если я не встану, как же мне обрести их расположение?» Таким образом, я встал.

В голове не было ничего. Я боялся и дрожал. Я никогда... не знал насколько близко нужно стоять к маленькому старому микрофону, висящему на веревочке, свисал вот так. Я не знал, как к нему встать, и вся эта большущая скиния, знаете, и я сказал: «Ну, люди, — сказал я, — я... я не очень-то знаю о... каким образом вы проповедуете и так далее». Я сказал: «Я просто... Я ехал по дороге... И... и я не знал».

И случайно я перевернул страницы на Луку, к богатому человеку, который поднял свои глаза в аду. И вдалеке он увидел Лазаря, и тогда он возопил. Я взял свой текст: «И тогда он возопил».

94 И я начал... начал говорить, и я сказал: «Тогда богатый человек упал в ад, где не было никакой церкви; тогда он возопил». Я сказал: «Там не было никаких детей, тогда он возопил. Там не было никаких песен, тогда он возопил. Там не было никакого Бога, тогда он возопил». И я начал. Люди стали кричать, потом я зарыдал.

Так происходило. И знаете, первым делом все вскочили на ноги. «Тогда он возопил. И тогда он возопил». И следующее, что я помню, я очутился во дворе. Ну, я не знаю, что произошло. И каждый благословлял и благословлял Бога, собрание вопияло и кричало. Я не знаю, что я сделал, просто я где-то потерял самого себя.

95 И первым делом, знаете ли, подходит крупный приятель из Техаса в большой широкополой шляпе и в ковбойских сапогах, подошел,

сделать». Я подождал немного, я сказал: «Хорошо, я готов».

Я сказал: «Г-г... [Брат Бранхам громко откашливается — ред.] Господин... господин Брумбах?»

В это время он печатал, знаете, он сказал: «Да?»

Я сказал: «Мы могли бы выйти на минутку поговорить?»

Он сказал: «Да, Билл, зачем? Что ты хочешь?»

Я сказал: «Мы могли бы выйти на минутку побеседовать, господин Брумбах?»

75 И он сказал: «Конечно». И он посмотрел на жену, его жена посмотрела на него.

Я подумал: «Ох...»

Итак, я заметил, как Хоуп подошла к своей матери, я, значит, вышел на крыльцо, вышел туда. И я... я тогда пережил очень сильное нервное потрясение, знаете ли. Так что я сказал...

Он сказал: «Что ты хочешь, Билл?»

И я сказал: «Да, сегодня теплый вечерок».

И он сказал: «Да, теплый».

И я сказал: «Однако, Чарли, приятный вечер, не так ли?»

Сказал: «Да, приятный».

Я сказал: «Вы знаете, хм, э-э...» Я сказал: «Я...»

76 Он сказал: «Да, ты можешь забирать ее, Билл, ты можешь...» Я... сегодня я все еще много думаю о нем.

Я сказал: «Вы имеете в виду, что я могу?...»

Он сказал: «Да».

О Боже, схватил его старую большую массивную ладонь, я сказал: «Чарли, послушайте, — я сказал, — вы знаете, я нищий». Я сказал: «Ваша девочка может хорошо одеваться и все такое, а у меня один костюм». Я сказал: «Но всю жизнь я был бродягой, я был в поисках той, кто, как я думал, будет королевой, той, кто, как я думал, будет леди». Я сказал: «Я нашел это в Хоуп». Я сказал: «Я... я не могу обеспечить ей жизнь, как вы, конечно, нет. Чарли, вы зарабатываете пятьсот долларов в месяц, а я зарабатываю примерно четырнадцать долларов в неделю».

77 Я сказал: «У меня девятеро в семье, кто-то из них теперь начинает работать, — сказал я, — они окажут мне помощь. Но, Чарли, я подумал, что мне больше ни к чему было отнимать ее время. Как

только другие мальчишки получают работу и все такое, смогут помочь мне с... заботиться о моей матери, я... я сделаю все, что смогу. Я буду работать, Чарли, пока в моем теле будет дыхание, я буду работать, как раб, и сделаю все, что могу, потому что я действительно люблю ее. И я сделаю все, что могу, чтобы быть к ней добрым. Я буду жить по отношению к ней верно, я сделаю все, что смогу».

Я никогда не забуду, этот человек теперь умер. Он обнял меня этой большой рукой, притянул меня близко к себе (размером он примерно с брата Бакстера). Он мне его во многом напоминает. Он притянул меня ко мне вот так, он сказал: «Билли, — сказал он, — мне лучше, чтобы она была твоей на этих основаниях, чем кто-то, кто будет плохо с ней обращаться, неважно, как много денег он бы имел». Сказал: «Вы будете более счастливы». Он сказал: «Счастье не состоит из того, сколько у тебя мирских благ, но в том, насколько ты доволен той порцией, которая выделена тебе».

Я сказал: «Спасибо, Чарли, спасибо».

78 Она спросила свою мать. И я не знаю, что там происходило, но, во всяком случае, мы поженились. Итак...

Когда мы поженились, это был... это был изумительный старенький... Я помню, что мы поженились здесь, в Форт-Уэйне, Индиана, мы пошли домой. Я даже не имел... Вы знаете, что мы...

Я арендовал дом за четыре доллара в месяц. Вы можете себе представить, какой это был дом: четыре доллара в месяц. Кто-то дал нам старую раскладную кровать. Сколько из вас знает, что такое старая раскладная кровать? Ой, я заметил, брат Райан поднял руку. Он поспал на ней достаточно, он должен знать. Итак, он дал нам старую раскладную кровать, а немного позже мама дала нам небольшой старенький остов железной кровати. Мы... Сначала у нас было две комнаты.

И я пошел в «Сирс энд Роубак» и купил себе... сервиз для завтрака, который не... не был раскрашен. Я думаю, что это обошлось нам приблизительно в три или четыре доллара. И я раскрасил его желтым с большим-большим зеленым трилистником на каждом предмете. И она смеялась надо мной — я никогда не забуду — насчет того, что значит быть ирландцем: рисуя на сервизе трилистник, и все такое.

79 И у нас было не очень много мирских благ. Я пошел к господину Веберу, старьевщику, и купил себе печку за семьдесят пять центов, и мне стоило доллар с четвертью поставить в нее новые решетки, я отремонтировал ее. Мы стали вести хозяйство. Ну вот, мы были

людей. Это то, чего я жажду. Баптист или не баптист, это то, чего я хочу. Это то, что находит отклик в моем изголодавшемся сердце. Это то, к чему оно стремится. Вот люди, которых я жаждал увидеть всю свою жизнь».

На следующее утро я пошел. Никто меня не знал, вы понимаете. Так что я надел свои старые брючки из легкой жатой ткани в полоску и футболку. Никто не знал, что я был проповедником, так что я пошел. И я сел. И когда я сел, вот подходит цветной брат и садится сбоку от меня, а вот здесь присела леди. И я... я устроился там.

90 И когда тем утром я подошел, они исполняли музыку и все такое. И там был брат, его дочь вышла и играла на трубе. Его фамилия, я полагаю, была Видерспун. И он... Та девочка сыграла самую красивую композицию на тему «Лазурная Галилея», так что я... я сидел там и плакал, как ребенок. И я сидел там.

Затем на платформу поднимается служитель по фамилии Кёрц. Он сказал: «Самый молодой служитель, который был здесь у нас на платформе вчера вечером, евангелист по имени Уильям Бранхам, — сказал, — из Джефферсонвилла, Индиана». Сказал: «Мы хотим, чтобы он говорил сегодня утром».

О-о, ну и ну. Собрание... И я подумал: «И брюки в полоску, и футболка...» Так что я, знаете, просто присел на корточки очень низко, вот так. Через несколько минут... Он подождал несколько минут, он снова подошел к микрофону, он сказал: «Если здесь кто-нибудь знает, где Уильям Бранхам из Джефферсонвилла, евангелист, который был на платформе вчера вечером, этим утром мы хотим, чтобы он в это утро принес послание. Скажите ему, чтобы подошел к платформе».

91 Я, значит, пригнулся совсем низко, вот так низко. Я думал: «Штаны в полоску, понимаешь ли, и футболка». Поэтому я опустился совсем низко. И я никак не хотел предстать пред сими людьми. У них было кое-что, о чем я ничего не знал, так что я просто сидел очень тихо.

Тотчас этот цветной мужчина посмотрел на меня, сказал: «Послушай, ты знаешь его?» Ой — ой. Что-то должно было случиться. И я не... Я знал... Я не хотел лгать этому человеку. Я сказал: «Знаешь, товарищ, послушай. Я хочу тебе что-то сказать». Я сказал: «Это я. Понимаешь?»

Он сказал: «Мне кажется, ты вроде как-то уж слишком низко сидишь».

И я сказал: «Ну, послушай, — сказал я, — ты служитель?»

Сказал: «Да, сэр». Я сказал...

пиджак из фетра, который носят проповедники, один из тех старомодных длинных фраков с бархатным воротничком. Бедный старина шел туда вот так. Я подумал: «Бедный старик! Разве ж это не позор?» Я сказал: «Бедный старый папаша». Я сказал: «Полагаю, что он проповедовал долгое время». И он стоял там.

А я прежде никогда не видел микрофон. Я был деревенским проповедником. Итак, у них были микрофоны, подвешенные сверху. Это было тогда нечто новое, вы знаете.

Так что этот старина встал там перед ним. Он сказал: «Дорогие дети». О-хо-хо. Он сказал: «Я собираюсь сегодня вечером взять тему с концовки в... в книге Иова». Сказал: «Где был ты, когда Я полагал основание мира? Скажи Мне, на чем они... они утверждены, так, когда утренние звезды пели вместе и сыновья Божьи восклицали от радости?»

87 Я подумал: «Этот бедный старина. Его дни проповедования почти закончены. Он стар». Видите?

Вместо того чтобы спуститься с этим на землю, вот так, брат, он вернулся вон туда примерно на десять миллионов лет, прежде чем основание мира вообще было положено. Он поднялся вверх, в небеса, и он проповедовал о том, что происходило в небесах, что сыновья Божьи восклицали от радости. Он продвигался через Божий промысел и перенес Его назад на горизонтальную радугу, назад сюда, назад в Тысячелетнее Царство.

И примерно в это время он стал совершенно счастлив. И когда он стал таким, он воскликнул: «Ого-го!» Просто подпрыгнул в воздухе, стукнул каблуками, сказал: «Слава Богу, — сказал, — аллилуйя! Здесь для меня недостаточно места, чтобы проповедовать». И ушел с платформы вот так, как ребенок.

88 Я сказал: «Брат, если это заставит старика действовать вот так, то что это сделает для меня? Я хочу этого. Это то, в чем я нуждаюсь. Это то, чего жаждет мое сердце, если оно заставляет старика действовать вот так. Я хочу... Это то, чего я искал». Я сказал: «О, вот это да, эти люди нечто получили!»

Тем вечером я выехал на кукурузное поле. Я подумал: «Лучше я проглажу свои брюки». Таким образом, я взял два сидения своего старого «Форда» и сложил их вместе, уложил свои брюки туда и сюда вот так и придавил сидениями, чтобы их разгладить, улегся на привал в какой-то траве на краю поля здесь, где-то в Индиане, здесь.

89 И тем вечером я улегся под невысокой старой вишней. И я молился: «Боже, так или иначе, даруй мне благорасположение этих

счастливы. У нас было не очень много мирских благ, но, конечно, мы были друг у друга, и любовь Божья была в нашем сердце, и это все, о чем мы заботились. И говорю вам, это то, что теперь действительно что-то значит. Да, сэр.

Я осматривал дом, я слышал, как кто-то сказал: «Ну разве не красивый домик?»

80 Я сказал: «Я не знаю». Дом — это не здание. То, что создает дом, — это устройство этого дома. Вот что создает дом. Неважно, если это лачуга, чем бы это ни было, если... если... если распорядок внутри такой, как надо, и благочестивый, это более является домом, чем если бы у вас где-нибудь был дворец. Я лучше жил бы в лачуге и был счастлив, чем жить во дворце и быть несчастным. Правильно.

Так что я помню то время очень хорошо, мы пошли вперед. И после этого Бог даровал нам один из самых больших подарков, примерно через год после того как мы поженились. О-о, бедный маленький мальчик, который стоит теперь в конце здания, он... маленький Билли Пол, он появился на свет.

81 И я помню, как мы ладили. Я подшучивал над ней, и я сказал: «Вот, смотри, ты знаешь, как мы его назовем?» Я сказал: «Я думаю, это будет мальчик. Если это так, — сказал я, — так вот, как немца...» Она была немкой, а... а я был ирландцем. И я сказал: «Мы назовем его Хайнрен, как немца, и Майклом, Хайнрен Майкл».

Она сказала: «О-о, Билл, помилуй, это звучит ужасно». Итак, я... Мы продолжали в том же духе и вот так ладили. И когда Бог даровал нам этого маленького мальчика, как счастливы мы были вместе! Шли дальше, и жизнь продолжалась.

После этого Джон Райан вошел там в мою жизнь. Я встретил его. Он попросил, чтобы однажды я приехал в Доваджак, где... где он живет там, в Доваджаке, штат Мичиган. Сказал: «Приезжай на небольшой отдых». Мы сэкономили свои деньги и все такое. И у меня было примерно, о-о, накопили, может быть, десять или двенадцать долларов.

82 Я сейчас настраиваюсь на то, чтобы придти к концу этой истории, просто еще чуть-чуть. Я знаю, что задерживаю вас. У меня как раз еще есть приблизительно десять — двенадцать минут, чтобы закончить вовремя. Но мы подходим к Доваджаку. Я стараюсь сдерживать себя и сейчас затрону только существенные моменты. Теперь молитесь за меня.

Когда я поехал туда, в Доваджак, из-за брата Райана, я отправился к нему домой, небольшой скромный дом наподобие того, в

котором жил я. Его жена, тем не менее, безгранично ему верила. У него был прекрасный мальчик. И, таким образом, они оказали мне очень радушный прием.

И на моем обратном пути домой, возвращаясь домой, я проезжаю через Мишавоку. И я там пригляделся, и там были группы людей, роившихся там, и автомобили, и «Кадиллаки», и «Форды», и полицейские, пытающиеся повсюду поддерживать порядок. Я подумал: «Что здесь происходит?» И я слышу, что они просто поют, знаете, и что-то происходит. Ой-ой, все кричат и голосят. Я подумал: «Ну, это похороны, или что же происходит?»

83 Это было в здании церкви. И я останавливаюсь и вхожу. Зашел, чтобы выяснить. Это был съезд, где была группа пятидесятников, которые проводили там съезд. И они должны были проводить его на севере, потому что из-за... расовых условий они не могли провести его, а это был международный съезд. Они проводили его в большой скинии в Мишавоке.

Итак, я... я никогда прежде не видел пятидесятников, так что я подумал: «Хорошо, думаю, я пойду и посмотрю, на что это похоже». Итак, я вошел, а они там все хлопают в ладоши [Брат Бранхам хлопает в ладоши — ред.] вот так и кричат и поют. Я подумал: «Что за манеры, ой-ой-ой, никогда в своей жизни не видел ничего подобного. О чем все они говорят?»

И вот там был цветной мужчина, и он пел, и он пел:

Я знаю, эта Кровь

И все собрание повторяет:

Я знаю, эта Кровь

И вот он сбежал вниз и побежал по зданию и схватил кого-то и обнял их вот так. Белые, цветные и все повторяют:

Я знаю, эта Кровь за меня.

Когда я был во тьме,

Он умер на Кресте.

Я знаю, эта Кровь за меня.

Бегают туда и сюда по проходам. И я подумал: «Я никогда в своей жизни не видел ничего подобного». И как... Я сказал... И кто-то подпрыгивал, и кричал, и говорил на языках, а я думал: «Скажите на милость, да что же это такое?»

И затем проповедник встал там, и он начал проповедовать о крещении Святым Духом. И это было похоже... А его палец был

примерно такой длины, и он указал на меня прямо там, в задней части здания. Он обращался ко мне. А я думал: «Послушайте, как этот парень знает что-нибудь обо мне?» Видите? И, о-о, были сотни, и, о-о, это были тыс... две или три тысячи, полагаю, в... всех вместе на собрании.

84 И какая-то группа отсюда, с севера, из-под Чикаго, цветная группа, они приехали, назывались «Локаст Гроув», или «Пини Вуд», или что-то вроде этого. Квартет, который... Я никогда в своей жизни не слышал такого пения. «Вот это да, — я подумал, — есть одна вещь, которую следует сказать об этих людях: они не стыдятся своей религии. Это бесспорная вещь. Они... они не стыдятся этого».

Итак, я подумал: «Знаешь, я думаю, что я вернусь сегодня вечером». И я вышел и пересчитал свои деньги. У меня было ровно столько, чтобы купить достаточно бензина для возвращения, и оставалось двадцать центов. Хорошо, я знал, сколько потребуется бензина и что я не смогу снять номер в мотеле. Так что я подумал: «Буду спать там, на кукурузном поле». Итак, я пошел и купил себе черствых булочек на двадцать центов. И я подумал: «Я могу прожить на них пару дней, но я хочу узнать, что же все это такое». Итак, я пошел и взял свои булочки и положил их на заднее сиденье своего автомобиля и...?... вернулся.

85 Тогда, тем вечером, он сказал: «Я хочу, чтобы все служители, — сказал оратор, — я хочу, чтобы все служители поднялись на платформу». Их было на платформе примерно, я полагаю, приблизительно двести или триста человек. Они были всякие: белые, цветные, — и все разместились на платформе. Он сказал: «Так вот, у нас нет времени, чтобы дать вам проповедовать, мы просто хотим, чтобы вы подошли по очереди и сказали, кто вы, откуда вы». Когда пришла моя очередь, я сказал: «Евангелист, Уильям Бранхам, Джефферсонвилл, Индиана», — и сел. Следующий, следующий, следующий — подобным образом.

Случайно выяснилось, что я был самым молодым из бывших там в то время: двадцать три года. Я был самым молодым человеком на... на платформе. Я тогда этого не знал. Следующим утром...

Хорошо, тогда, тем вечером, мы продолжали. И я хочу рассказать вам, что происходило тем вечером. Я уселся и слушал всех их служителей, проповедующих в тот день о (ого!) Божестве Христа, и те великие послания о том, как Он шел по жизни, и о Его Жертве и так далее, и обо всех этих различных вещах.

86 Но тем вечером они выпустили старого цветного мужчину. Только небольшой венчик белых волос на затылке, одет в огромный, большой